
ОНА ВЗЯЛА У МЕНЯ
КРЕДИТ
НА СЧАСТЬЕ.
ПЛАТИТЬ ПРИШЛО
МНЕ

В.К. Косс

Она взяла у меня кредит на счастье. Платить пришлось мне

https://litres.ru/74783273
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж тратил ее кредитные деньги на любовницу. Я предложил Алине сделку получше: год без платежей, дом, деньги и работу мечты. Потом она могла все вернуть — или оставить, отдельно согласившись отдать душу после смерти.

Меня зовут Марк Северин. Но вы знаете другое мое имя. Я — Сатана.

Я был уверен: попробовав счастье, она не откажется. И поручился собственным бессмертием.

Алина начала возвращать подарки.

Каждый возврат гасил одну из четырех печатей на моей руке. А потом я заплатил за выбор, которого она не делала. Кто-то подделал расчет и решил лишить меня власти раньше, чем закончится ее год.

Теперь мне нужны ее документы и доверие. Только для этого придется показать подписи, которые никто не подделывал. Мои.

Когда Алина вернет последнее, я стану смертным. Если попытаюсь ее удержать — потеряю ее раньше.

Содержание

ЧАСТЬ I. Я ЗНАЛ ЦЕНУ СЧАСТЬЮ 4
Глава 1. Женщина с двумя папками 4
Глава 2. Четыре подарка 18
Глава 3. Дом, в котором никто не кричал 33
Глава 4. Я заберу то, что ей не нужно 47
Глава 5. Любовница с чеком 60
Глава 6. Лишняя женщина 72
Глава 7. Мелочь, которой я не считал 83
Глава 8. Хорошая должность 95
Конец ознакомительного фрагмента. 99

В.К. Косс
Она взяла у меня кредит на счастье. Платить пришлось мне

ЧАСТЬ I. Я ЗНАЛ ЦЕНУ СЧАСТЬЮ

Глава 1. Женщина с двумя папками

Серую папку она положила передо мной, синюю оставила у себя. На серой была приклеена полоска бумаги: «Кредиты». На синей ничего не написали, зато ее края держали двумя резинками.

— Если я получу у вас деньги, муж об этом узнает? — спросила она.

— От меня — только по вашей просьбе.

Она кивнула, но резинки не сняла.

На прием Алина Ветрова записалась через наш человеческий сайт. Заполнила анкету, разрешила проверить обя-

зательства и приложила три выписки. В графе «Цель обращения» написала: «Нужно разделить мое и чужое». Тамара, разбиравшая заявки, переслала мне эту строчку отдельно. Обычно в ней указывали сумму.

Я предложил сесть. Алина посмотрела на кресло, убрала с него подушку и устроилась ближе к краю. Мокрый плащ остался у нее на коленях.

— Его можно повесить, — сказал я.

— Спасибо. Я ненадолго.

Капля с рукава упала на паркет.

Было без двадцати пять. Внизу, на набережной, уже зажглись фонари. За окном моего кабинета тянулся Речной мост, и автомобили проходили по нему медленно, огибая ремонтное ограждение. Одну полосу вскрыли в августе. Рабочих я видел дважды, гораздо чаще — человека, который переставлял дорожные знаки.

Я раскрыл серую папку.

— Четыре миллиона восемьсот шестьдесят тысяч, — произнесла она прежде, чем я успел прочитать итог. — Остаток на сегодняшнее утро. Платежи — сто восемнадцать четыреста в месяц. Моя зарплата — сто двенадцать.

— Остальное вносит муж?

— Раньше вносил.

— Когда перестал?

Алина сняла одну резинку с синей папки. Потянула вторую, потом отпустила.

— Если вы спросите, почему я не пришла раньше, я уйду.

Я подвинул к ней коробку салфеток. Она взяла одну и вытерла каплю с пола.

— Я собирался спросить, когда вам нужен следующий платеж.

— Четвертого ноября.

До него оставалось пять дней. Веленск готовился к длинному мокрому ноябрю; люди покупали обогреватели, зимние шины и вещи, которыми собирались утешаться после оплаты счетов. Она пришла в пятницу, тридцатого октября, с суммой, которая уже не помещалась между двумя зарплатами.

Я просмотрел первый договор. Два миллиона восемьсот тысяч остатка. Деньги ушли на расширение компании, организующей частные мероприятия. Второй — миллион триста: перечисление Денису Орлову. Третий — семьсот шестьдесят тысяч, несколько платежей за обучение, оборудование и аренду небольшого кабинета.

— Это ваше? — спросил я, положив палец на третий лист.

Она наклонилась.

— Да. Я хотела брать отдельные проекты. Финансовые модели для небольших компаний. Компьютер купила, программу, курс прошла. Кабинет потом пришлось сдать.

— Почему?

— Дмитрию понадобился оборотный капитал. Еще брат обещал вернуть. Я решила, что пару месяцев могу порабо-

тать дома.

Она потерла ногтем край бумажной наклейки.

Я видел дату аренды: февраль предыдущего года. Пара месяцев закончилась задолго до нашего разговора.

— Сейчас вы где работаете?

— В «Линии учета». Аналитик. Я это указывала.

— Указывали. Хочу знать, нравится ли вам.

Она впервые посмотрела прямо на меня.

— А от этого ставка зависит?

— Иногда.

— Работа нравится. Зарплата не нравится. И то, что я по вечерам считаю чужие возможности, а собственные считаю ночью.

На телефоне у нее вспыхнул экран. Она перевернула аппарат, не посмотрев на имя.

Мне были известны ее возраст, место работы, три кредитора и последние перечисления. Этого хватало для оценки платежеспособности. Для сделки, которую я собирался предложить, требовалось другое: понять, какую вещь человек начнет защищать первой, когда получит возможность выбирать.

— Вы хотите, чтобы я выкупил обязательства? — спросил я.

— Я хочу посмотреть условия.

— А после?

— После решу.

Телефон снова засветился. На этот раз она прижала его ребром ладони. Под обручальным кольцом осталась светлая полоска кожи.

— Можете ответить, — сказал я.

— Я знаю.

Она отодвинула аппарат и сняла вторую резинку.

В синей папке лежали распечатки переписки, счета и два изображения экрана с открытым банковским приложением. На верхнем листе мужчина спрашивал, какой номер оставить на ресепшене. Женщина отвечала: «Только не рабочий. Жена же у тебя бухгалтер».

Ниже стоял смеющийся значок.

Алина заметила, куда я смотрю.

— Я не бухгалтер.

— Понимаю.

— Он тоже понимает. Понимал.

Я перевернул лист. Женщину звали Кира. В предыдущем сообщении Дмитрий обещал, что после окончания сезона они уедут хотя бы на неделю. Поездка обсуждалась в тот день, когда Алина внесла платеж за компанию из своей зарплаты.

Она накрыла распечатку рукой.

— Я не знаю, сколько здесь настоящих расходов по работе. Она занимается продвижением, они могли сотрудничать. И счета я увидела только те, которые пришли на нашу общую почту. Я не могу сейчас написать, что все деньги ушли

на нее.

Мне понравилась эта оговорка. Не ее добросовестность — пользоваться точными людьми было удобнее. Они дольше остальных искали оправдание, пока оправдание оставалось хотя бы арифметически возможным.

— Вы ему показали?

— Вчера.

— И что он ответил?

Алина посмотрела на окно.

— Спросил, зачем я лезла в телефон.

— А вы лезли?

— Он переслал мне рабочую переписку. Вместе с ней попал этот разговор. Потом удалил, но я уже открыла файл.

Она поправила листы, выровняла угол.

— Дальше сказал, что я все свалила в одну кучу. Что надо было сначала спросить. Я спросила. Он сказал: не сейчас, у него монтаж.

Я подождал. В приемной щелкнул замок шкафа. Тамара убирала чашки, хотя до конца ее смены оставалось полтора часа. Она всегда начинала с того, что можно было закончить раньше срока.

— Вы хотите, чтобы он пожалел? — спросил я.

Алина ответила не сразу.

— Сегодня утром хотела, чтобы его карту заблокировали прямо в магазине.

— Это возможно.

Она подняла глаза.

— Вы серьезно?

— Да.

Несколько секунд она смотрела на меня, оценивая, какая именно услуга прячется за предложением. Потом собрала переписку.

— А мой платеж четвертого от этого уменьшится?

— Нет.

— Тогда давайте про мой платеж.

Я откинулся на спинку кресла.

За тридцать три года она успела научиться помогать двоим мужчинам, удерживать работу и приносить на унижение подтверждающие документы. Сейчас ей предлагали небольшую, доступную месть. Она оставила ее лежать на столе. Я решил, что она просто слишком устала, чтобы оценить предложение.

— Орлов — ваш брат?

— Старший.

— Письменный договор между вами есть?

Она достала из серой папки тонкий лист.

Расписка была. Не вполне бесполезная, с подписью, суммой и сроком. На обороте Алина записывала возвращенное. Три перевода, потом почти год пустого места.

— Что он открывал?

— Магазин восстановленной техники. Сначала покупал небольшие партии, ремонтировал, продавал. Получалось.

Потом решил взять склад. Я видела расчеты. Они не были безумными.

— Но?

— Но он перестал работать по ним. Купил машину для доставки, потом другую, потому что первая ему не понравилась. Взял человека, которому доверял. Я не знаю, что у них случилось. Он больше не дает смотреть документы.

Алина помолчала.

— Говорит, что я прихожу только проверять.

— Вы приходите за своими деньгами.

— Да. Но начинаю проверять, потому что каждый раз какая-нибудь причина. И в итоге мы спорим, хорошо ли я к нему отношусь.

Она убрала расписку. Телефон завибрировал снова. Алина потянулась к нему и остановилась, будто рука сначала исполнила приказ, а потом дождалась разрешения хозяйки.

Я предложил воды. Она попросила обычную, без лимона, и на этот раз повесила плащ.

Пока я наливал, она осмотрела кабинет внимательнее. На стене не было лицензий, портретов и часов. За моим столом стояла узкая дверь без ручки. По ее нижнему краю проходила полоска темного металла. Такие двери плохо сочетались с деревянным полом, но посетители обычно замечали их уже после сделки.

— Вы финансовая организация? — спросила она.

— В том числе.

— На сайте у вас очень мало сведений.

— Поэтому вы принесли все с собой?

— Поэтому я не отправила оригиналы и пришла днем.

Я поставил стакан. Она не извинилась за недоверие.

— Мы можем купить ваши долги, — сказал я. — Дать год без платежей. Предложить работу с другим доходом. И место, где вы будете жить отдельно.

— Залог?

— Обсудим.

Она отодвинула стакан.

— Квартиры у меня нет. Машина оформлена на компанию мужа. Если вы предлагаете взять еще один кредит, чтобы закрыть эти, я уже считала.

— Я предлагаю иной способ расчета.

— Какой?

В приемной зазвонил телефон. Тамара ответила негромко, назвала человеческое имя нашего учреждения. Я услышал только «Дом Меры» и «нет, после шести приема не будет».

— Вы можете получить год, который вам подходит, — сказал я. — Потом выбрать: вернуть предоставленное или оставить на других условиях.

— Что значит «подходит»?

— Вы сами определите.

— Тогда я хочу, чтобы меня не просили.

Я ждал уточнения. Она потерла переносицу, оставив на

коже слабый красный след.

— Чтобы можно было оплатить свое. Поесть, если хочется. Сказать, что я занята, и после этого не объяснять полчаса. У меня на работе может быть тяжелый день. Нормально. Я просто хочу, чтобы он заканчивался.

— Вы можете не отвечать на звонки.

Она посмотрела на перевернутый телефон.

— Могу. А потом все равно надо будет куда-то вернуться.

Звонок оборвался. Впервые за разговор она дала тишине продолжиться.

Я придвинул чистый лист и написал четыре строки: обязательства, жилье, работа, капитал. Возле каждой оставил место.

— Я подготовлю предложение. Вы получите его до подписания.

— И сумму, которую придется вернуть.

— Да.

— И что будет, если я уйду раньше года.

— Да.

Она прочитала строки, потом вынула свой блокнот.

— Еще: деньги, которые я заработаю сама. Они куда относятся?

Я поставил на листе дополнительную пометку.

Пометка касалась новой формы, из-за которой Арден уже две недели отказывался принимать новые заявки. Он требовал оставить все в общем обязательстве. Человек либо со-

глашался на окончательную цену, либо возвращал весь пакет сразу. Я предложил разделить преимущества. Дать несколько выходов. Разница казалась мне удобной рекламой: отказаться от одного блага проще, пока не попробуешь остальные.

— В воскресенье, — сказал я. — Посмотрим дом и обсудим бумаги.

— Я еще ни на что не согласилась.

— Я услышал.

Алина взяла лист со списком. Сфотографировала мою визитку, затем саму визитку убрала в карман. На ней стояло «Марк Северин». Номер был действующим. Никаких чужих имен для меня давно не требовалось: достаточно было одного, которое узнавали банки и люди у подъезда.

— Распечатки я заберу, — сказала она.

— Они ваши.

Она собрала папки. Я мог удержать разговор еще на несколько минут — предложить аванс, закрыть ближайший платеж, показать нужный ей результат прежде, чем появится возможность отказаться. Обычно это работало. Алина сама открыла дверь в приемную, и я позволил ей уйти с обещанием вместо денег.

Тамара проводила ее. Вернулась с подушкой, оставленной на соседнем кресле.

— Вернется? — спросила она.

— Думаю, да.

— Эта хоть все прочитает.

Она положила подушку на место и пошла к своему столу. На человеческую зарплату Тамара содержала пожилую мать и небольшую собаку. Она ни разу не просила у нас другого способа расчета. Иногда меня раздражало, что я не знал, чего ей предложить.

Я закрыл папку заявки, дождался, пока шаги стихнут, и коснулся полосы металла на двери за столом.

Дверь открылась внутрь.

На той стороне пахло известью и холодным железом. Шум моста исчез, хотя дверь я пока оставил открытой. Подземная лестница спускалась между стенами, в которые были вделаны гладкие черные пластины. На некоторых оставались имена. Другие потускнели так давно, что буквы приходилось искать ладонью.

Я спустился в Палату Расчетов.

Арден стоял у низкого стола. Перед ним лежали четыре круглых углубления, пустые с того дня, когда я велел готовить новую форму поручительства. Он поднял взгляд.

— Выбрали?

— Ветрова. Заявка за сегодняшнее утро.

— Семейные долги?

— В основном.

— Такие возвращаются к прежним условиям чаще других.

Я остановился у стола.

— Возвращаются к мужьям. Это другое.

Арден отложил перо. Его перья никогда не приходилось очинять. Он умел поддерживать любую вещь в исправности дольше, чем она кому-нибудь была нужна.

— Отдельный выход по каждой позиции увеличит число возвратов, — сказал он. — Мы уже обсуждали.

— Увеличит число подписей на входе.

— Вы предлагаете обеспечивать разницу собой.

Я провел пальцем по краю первого углубления. Камень был теплым.

Четыре печати моего имени удерживали меня вне человеческого счета. Они позволяли годам проходить мимо, ранам закрываться, а дверям узнавать мою руку. Их нельзя было купить за деньги, которые я умел выдавать. Можно было поставить в обеспечение собственного слова.

— По одной за каждое возвращенное преимущество, — произнес Арден.

— Принимается.

— Даже если стоимость имущества будет возмещена.

— Я помню, что обещаю.

Он достал тонкий лист. На нем пока не было моего имени.

Я не собирался делать Алину счастливой против ее воли. Мне требовался один год, в течение которого она перестанет сомневаться в удобстве предложенной жизни. Дом, работа, свободные деньги, тишина после чужих звонков. Потом попросить оставить все это навсегда.

Я видел, как она вытирала каплю с моего пола, прежде чем выпить воды. Такие люди редко позволяли себе взять достаточно. Получив возможность, они старались удержать ее крепче остальных.

Арден положил лист передо мной.

— До ее подписи поручительство не действует.

— Знаю.

Я написал свое имя. Буквы проступили с обратной стороны бумаги, темные и выпуклые, как на старом оттиске.

Когда я вернулся в кабинет, на телефоне лежало сообщение с незнакомого номера.

«Это Ветрова. Пришлите, пожалуйста, условия до воскресенья. И отдельно список того, что считается моей работой. Я хочу показать бумаги человеку, которому доверяю».

Я переслал заявку Ардену с распоряжением выдать полный проект.

Потом еще раз прочитал слово «моей» и сохранил номер.

Глава 2. Четыре подарка

В воскресенье она приехала с карандашом и распечатанным договором. На третьей странице стоял большой вопросительный знак. На седьмой — два.

— Дом посмотрим сначала? — спросил я.

— Сначала вот это.

Она развернула третью страницу.

В субботу я получил от нее одиннадцать вопросов. Арден ответил на девять, а последние два вернул с пометкой «не относятся к предмету». Я велел ответить и на них. Теперь Алина указывала на строчку, которую он предлагал оставить без объяснения.

— «Неимущественная форма окончательного расчета». Напишите, что именно.

Арден сидел у короткой стороны стола. На людях он носил очки с тонкой оправой. Они позволяли ему смотреть поверх стекол, когда требовалось выразить сомнение, не произнося его.

— Для начала необходимо согласовать состав предоставляемых преимуществ, — сказал он.

— Я состав прочитала. Мне нужно знать цену.

Я взял карандаш, который она оставила между страницами, и дописал на полях: «Право Дома Меры на душу заемщика после его естественной смерти».

Алина посмотрела на надпись. Потом на меня.

— Это какая-то ваша корпоративная шутка?

— Нет.

— Вы всерьез хотите, чтобы я это подписала?

— Пока предлагаю прочитать.

Она отодвинула стул. Ножки коротко скрипнули.

— Я потратила на вас полсубботы.

— Вы можете уйти.

— Могу, да.

Алина собрала листы, но карандаш остался на столе. Я положил его сверху. В приемной работал пылесос: Тамара убирала крошки после того, как кто-то из служащих опять позавтракал над общим компьютером. Обычный звук хорошо помогал нашим посетителям не замечать того, чего они предпочитали не знать.

— Кем вы себя считаете? — спросила она.

— Сатаной.

Арден снял очки.

Она посмотрела на него, ожидая хотя бы улыбки. Он протирал стекла салфеткой.

— У вас здесь съемка?

— Нет.

Я показал на дверь за своим столом.

— Могу объяснить. Или можете уйти прямо сейчас. За визит вы ничего не должны.

Она встала. Надела плащ, проверила телефон. Я слышал,

как в приемной выключили пылесос. Тамара заговорила с кем-то о сменном мешке, который снова забыли заказать.

Алина дошла до двери в приемную. Открыла ее. Тамара подняла голову, спросила, вызвать ли машину.

— Не нужно.

Она постояла на пороге. Потом вернулась и оставила входную дверь открытой.

— Объясняйте.

Я коснулся металлической полосы за столом.

С той стороны открылась лестница. Свет у первой ступени был бледным, без видимого источника. Дальше темнел каменный свод. Из глубины донесся удар — тяжелый, ровный. В Палате переворачивали расчетные доски.

Алина не подошла. Я отступил в сторону, чтобы ей было видно комнату за моей спиной и наружный коридор одновременно.

— Здесь не помещается лестница, — произнесла она.

— В этом здании — нет.

Она вынула телефон, включила фонарь. Луч дошел до третьей ступени и уперся в знак, вырезанный на стене. Знак слегка повернулся вслед за светом.

Алина опустила руку.

— Что это было?

— Указатель доступа. Вашего имени там пока нет.

— И что будет, если я подойду?

— Увидите лестницу ближе. Я не собираюсь вас туда тол-

кать.

Она посмотрела на мой стол, на Ардена, на открытую дверь в приемную. Сделала два шага. Поставила на нижний косяк ладонь и сразу убрала.

Под пальцами осталась белая пыль. От штукатурки она отличалась запахом, который Алина, разумеется, не могла узнать. Так пахли высохшие русла под Палатой — солью и железом, которое никогда не лежало в воде.

Из глубины поднялся служащий с ящиком табличек. Его ступни касались ступеней, а тень продолжала идти впереди. Она уже лежала на полу моего кабинета, пока сам он еще находился за поворотом.

Я поднял руку. Служащий остановился.

Алина отступила к столу.

— Закройте.

Я закрыл.

Некоторое время она терла пальцы бумажной салфеткой. На ладони оставалась полоска пыли. Я предложил воду. Она выпила, поставила стакан и спросила:

— Если я сейчас скажу, что отказываюсь, вы дадите мне выйти?

— Да.

— Я хочу выйти.

Арден повернул голову ко мне.

Я не двинулся.

Она вышла в приемную. Тамара спросила, все ли в по-

рядке, потом я услышал, как открывается наружная дверь. Звякнул лифт.

— Можно было показать меньше, — заметил Арден.

— Можно было ответить на ее вопрос в субботу.

Он надел очки.

Я перенес ее договор на соседний край стола. На улице перестал идти дождь. Сначала я решил, что она уехала. Потом у Тамары зазвонил телефон.

Через двадцать минут Алина вернулась с бумажным стаканом кофе. Плащ был расстегнут. Она поставила кофе на подоконник, села и некоторое время смотрела на договор.

— Я не могу доказать себе, что увидела именно то, что вы сказали, — произнесла она. — Но если вы умеете делать такое с дверью, я хочу, чтобы вы очень понятно объяснили, чего хотите от меня.

Я взял чистый лист.

— После года будет два варианта. Первый: вы возвращаете предоставленное и продолжаете жить. Второй: оставляете, подписываете отдельное согласие. После естественной смерти ваша душа переходит под власть Дома.

— Навсегда?

— Да.

Она прижала ладони к коленям.

— Что вы с ней делаете?

Арден начал отвечать, но я остановил его.

— Распоряжаемся. Она больше не может уйти по своей

воле. Иногда служит. Иногда остается в пределах Дома. Я не предложу вам сейчас более приятное слово.

Алина опустила взгляд на свои руки.

— А если я не подпишу второй раз?

— Душу не получим.

— Просроченный платеж?

— Финансовое обязательство. Не согласие на душу.

— Кто-то подпишет за меня?

— Не сработает.

— Я умру до конца года?

— Вашей души у нас не будет. И намеренно устраивать вашу смерть нам запрещено условиями входа. Это касается меня и служащих.

Она снова взяла карандаш.

— Пишите это в текст. Не на полях.

Я кивнул Ардену. Он перевел строки в рабочий экземпляр. Буквы проступали на бумаге, пока перо лежало возле его руки. Алина следила за ними уже без попытки объяснить происходящее устройством стола.

Мы разбирали четыре позиции почти час.

По долгам она проверила каждый номер. Остаток в четыре миллиона восемьсот шестьдесят тысяч фиксировался на день обращения; разницу до выкупа брал на себя Дом. На год прекращались ее платежи. Если подтверждение от прежнего кредитора задерживалось, мы вносили необходимое до перехода обязательства. Проценты по нашему расчету за этот

год не добавлялись.

— А потом я буду должна ту же сумму? — спросила она.

— За вычетом погашенного. И с учетом того, что будет установлено при проверке ваших требований к другим людям.

— То есть вы не обещаете, что суд заставит мужа вернуть все.

— Нет.

Она поставила небольшую галочку.

— Кто оплачивает сам год, если я все верну? Жильем я уже попользуюсь. На работе буду получать деньги.

— Работодатель платит вам за работу. Остальные расходы учитываются Домом. Часть покрывается нашим резервом, часть — поручительством.

— Чьим?

— Моим.

Она перевернула приложение. Нашла мое человеческое имя в строке обеспечения и прочитала примечание дважды.

— Это не станет моим новым долгом?

— Нет. Я отвечаю перед Домом. Ваши обязательства перечислены здесь.

Я показал четыре строки.

Алина поставила возле примечания вопросительный знак, но спрашивать, чем именно я расплачусь, не стала. В ее собственной папке уже хватало чужих обещаний, за которые она согласилась отвечать. В этот раз я предлагал ей остаться

по другую сторону.

Дом находился на Вязовой, в Северном саду. Условия позволяли жить там в течение года, а при окончательном расчете получить его полностью. Для досрочного возврата можно было передать его Дому либо согласовать продажу. Выручка закрывала жилищную позицию. Новое место для жизни после этого Алина выбирала и оплачивала сама.

— Если я найду покупателя, вы не сможете сказать, что передумали продавать?

— Если соблюдена согласованная цена и порядок — не сможем.

— А если продадите дороже, чем записано?

Я посмотрел на Ардена.

— Разницу укажем отдельно. Она не исчезнет во внутренней ведомости.

Он дописал еще одну строку.

По работе ей предлагали возглавить отдел анализа в «Городском резерве». Реальная компания, реальный коллектив. Оплата — двести сорок тысяч в месяц. Алина спросила, чем именно занимается отдел. Я передал описание функций и предложение директора поговорить с ней до выхода.

— Работу за меня никто делать не будет?

— Нет.

— Тогда мне нужен доступ к действующей модели. До того, как я обещаю отвечать за результат.

— Получите.

Она прочитала условие выхода. Подчеркнула слово «зарплата».

— Здесь нет стоимости места. Есть обязательство обеспечить должность на год. Если я увольняюсь, я возвращаю эту гарантию. То, что мне уже заплатили за выполненную работу, остается.

— Именно так.

Арден чуть сдвинул очки.

Я заметил движение, но не придал ему значения. Это была формулировка, которую он предлагал изменить. Я оставил ее, потому что привлекательный вход стоил нескольких ненужных нам ограничений на выходе.

На отдельном счете лежали два миллиона стартового капитала. Их можно было использовать, принимая на себя установленный порядок возврата, либо оставить нетронутыми и закрыть позицию целиком. Алина попросила выписать условия потраченных сумм на отдельную страницу. Когда прочитала, сказала:

— Пока не буду трогать.

— Можете решить позже.

— Я и решила пока не трогать.

Арден подвинул ей готовые листы.

Она не потянулась к ручке.

— Дом я все-таки посмотрю.

В Северный сад мы поехали на машине. Она сказала, что хочет знать дорогу, а не снова оказаться у лестницы, которой

нет в здании. Я не возражал. В воскресенье набережная была почти пустой; возле цветочного рынка мужчина собирал в охапку упавшие ведра.

У Вязовой я остановился перед ограждением. Алина записала адрес. Спросила, кто жил здесь раньше.

— Семья, которая переехала в другой город. Сделка обычная, через их представителя. Документы есть в приложении.

— Они живы?

— Да.

— А вещи?

— Часть мебели включена в продажу. Личные вещи забрали.

Она прошла по дому, открыла несколько шкафов и вышла в сад. Я ждал замечаний о высоких окнах, кухне или ванной, где можно было лечь, не упираясь коленями. Она вернулась к небольшой комнате возле входа.

— Здесь можно работать. Дверь закрывается.

Я показал ей второй этаж. В спальне стояла кровать с новым бельем. Алина подошла к окну, посмотрела на сад, потом спросила, не будет ли у нас ключей.

— Служебный комплект хранится у управляющего.

— Я хочу знать, когда им пользуются.

— Без вашего разрешения — только при непосредственной опасности для дома или человека. Порядок можно дописать.

Она достала телефон.

— Допишите.

У двери она еще раз остановилась возле маленькой комнаты и позвонила директору «Городского резерва». Номер стоял в предложении. Я вышел на террасу.

В саду пахло мокрой землей. За ограждением сосед подметал дорожку; вода возвращала листья к его щетке. На кухонном подоконнике лежала старая застежка от занавески. Управляющий не заметил ее, готовя дом к передаче. Я подобрал застежку и покрутил между пальцами.

Алина вышла через несколько минут.

— Модель пришлют завтра утром, — сказала она. — Сегодня у них нет человека с доступом.

— Выходить сможете во вторник.

— Если я завтра увижу, с чем работать. Я не хочу занимать чужое место просто потому, что вы позвонили.

— Вакансия открыта. Последний руководитель уволился в сентябре.

— Я спросила. Еще у них аналитик ушел. Если отдел и так не справляется, мне не хватит красивого кабинета.

Она говорила быстрее, чем за столом с договором. Про данные, которые приходят в разных форматах, про две базы, не сверенные между собой, про отчеты, где все сходится до первой попытки повторить расчет. Я спросил, обязательно ли повторять.

— Если я отвечаю за результат — да.

Она заметила застежку у меня в руке.

— Что это?

— Не знаю.

— От шторы, кажется. Оставьте на кухне, пригодится.

Я положил ее на край подоконника и открыл входную дверь.

Мы вернулись в половине шестого. Тамара уже собиралась уходить и спросила Алину, понравилось ли жилье.

— Да, — ответила та. — Очень.

Я отметил, как трудно ей было произнести это без следующей оговорки.

В кабинете она получила окончательный текст. Проверила исправления и сфотографировала страницы. Кому-то отправила сообщение; я видел только имя «Ева». Ответ пришел через несколько минут. Алина прочитала, дописала в блокнот и попросила выдать ей примеры актов возврата.

Арден принес четыре формы. В каждой стояло название одной позиции. В рабочей — должность и обеспеченный ею доход, вместе. Она сложила образцы с договором.

— Если понадобится независимый разбор? — спросила она.

— В тексте есть право потребовать его, — ответил я. — Порядок выдадут по обращению. Ваш экземпляр останется у вас.

Она еще раз прочитала последние страницы.

— Получается, через год мне придется решать, насколько я привыкла.

— Да.

— А вы рассчитываете, что привыкну.

— Да.

Она усмехнулась впервые за день.

— Хоть здесь без презентации.

Я включил настольные часы. Циферблат, которого утром на столе не было, показал семнадцать пятьдесят семь.

Алина заметила часы, но ничего не спросила. Отложила карандаш и остановилась. Я положил перед ней обычную ручку.

Она заполнила свое имя, дату, согласованный срок. На странице про отдельную форму окончательного расчета поставила инициалы возле внесенного по ее просьбе пояснения. Подпись под передачей души сейчас не требовалась: места для нее в первом договоре не было.

Ровно в шесть чернила высохли.

В воскресенье, первого ноября, начался ее год.

— До первого ноября следующего года, восемнадцать ноль-ноль, — произнес Арден. — Триста шестьдесят пять дней.

Он выдал ей экземпляр и опись приложений. Алина проверила листы, убрала в серую папку. Синяя лежала отдельно. Переписка мужа к нашему договору не прилагалась.

— Ключи можно получить сейчас? — спросила она.

— Сейчас, — сказал я. — Тамара поможет забрать вещи, если нужно.

— Вещи я сама. У меня их пока две сумки.

Она вышла позвонить. Я услышал: «Да, я сегодня съеду. Спасибо тебе. Еду куплю по дороге, у тебя опять ничего не осталось». Голос у нее стал другим, без того осторожного нажима, с которым она задавала вопросы нам.

Арден дождался, пока дверь прикроется.

— Лист поручительства, — сказал он.

Я подвинул к нему левую руку.

Четыре знака проявились под кожей. Они не болели. Я давно перестал их чувствовать, как перестают чувствовать собственное имя, пока кто-нибудь не произнесет его неожиданным голосом.

Арден положил на стол каменную пластину с четырьмя углублениями. Каждому соответствовала строка: обязательства, жилье, работа, капитал.

Он коснулся моего оттиска. В углублениях загорелись тусклые круги. Пока все четыре оставались со мной. Дом получил право забрать их по одному, если Алина воспользуется выходами.

— При одной действующей печати текущие распоряжения переходят под надзор Палаты, — произнес Арден.

— Помню.

— Отменить исполненное поручительство односторонним приказом нельзя.

— Я подписал.

Он проверил круги.

— Сохранится право перекредитования. Поступление по новому добровольному договору можно направить на выкуп отдельного риска, пока у вас есть действующая печать.

— У нас достаточно клиентов.

Арден убрал пластину в ящик. В глубине кабинета скользнула тень, как будто там прошел человек, хотя дверь оставалась закрытой.

— Вы позволяете ей вернуть все частями, — сказал он. — Вам не кажется, что четыре выхода — слишком много?

Я опустил рукав.

Из приемной донесся смех Тамары. Алина что-то отвечала про сумку, которая оказалась тяжелее, чем выглядела. На столе передо мной остался пустой стакан с отпечатком ее ладони.

— Она еще не провела ни одной ночи в том доме, — сказал я.

И пошел за ключами.

Глава 3. Дом, в котором никто не кричал

В супермаркете она взяла корзину вместо тележки.

— На первый день хватит, — сказала Алина, заметив мой взгляд.

Вещи мы забрали у ее подруги. Две сумки оказались такими тяжелыми, что я подумал о книгах, но в одной лежали папки и небольшой принтер. Подруга вынесла к машине еще пакет с зарядными устройствами. Поблагодарила меня, потом спросила Алину, не написать ли ей утром. Та ответила, что напишет сама, когда проснется.

Теперь Алина стояла перед полкой с молоком и сравнивала две цены.

Я предложил заказать продукты с доставкой. Она сказала, что хочет купить сама. До Северного сада оставалось четверть часа; в большом холодильнике нового дома было пусто, если не считать бутылок воды, которые оставил управляющий.

— У вас нет необходимости выбирать по акции, — заметил я.

Она поставила одну бутылку обратно.

— Я знаю, сколько у меня на карте.

— Есть отдельный счет.

— Капитал. Я пока его не трогаю.

— Я помню.

— Тогда я не понимаю, о чем мы спорим.

Мы не спорили. Я показывал ей, что можно перестать считать разницу в сорок рублей. Она взяла хлеб, яйца, пачку крупы и огурец. Потом вернулась к полке и добавила маленькую банку оливок.

Я обратил внимание именно на нее.

У кассы нас пропустили вперед люди с полной тележкой. Алина отказалась сначала, потом посмотрела на собственные покупки и прошла. Продавщица предложила пакет. Она достала сложенную сумку из кармана.

На парковке я открыл багажник. Алина поставила продукты поверх своей папки и сразу переложила — проверила, не течет ли молоко.

— Вам домой не нужно? — спросила она, пока я закрывал крышку.

— Мне не к определенному времени.

Она села рядом, пристегнулась. На запястье у нее остался красный след от ручки сумки.

Я ожидал благодарности, которая обычно появлялась к этому моменту. Люди уже подписывали, еще не успевали испугаться подписи и старались сделать первый вечер праздничным. Предлагали выпить, звонили кому-нибудь хвастаться, просили задержаться. Алина попросила остановить у продуктового и думала о молоке.

В Северном саду на мокрых воротах блестела новая таб-

личка с номером. Управляющий ждал под навесом. Звали его Роман, он работал с недвижимостью Дома и всегда приносил два экземпляра описи в прозрачных обложках. Третий хранил у себя.

Он показал Алине счетчики, выключатель ворот, место перекрытия воды. Она задавала вопросы и записывала ответы прямо на своем экземпляре.

— Охрана приходит раз в сутки? — уточнила она.

— Обход снаружи, — ответил Роман. — Внутрь без вызова не входим. По аварии звоним на ваш номер. Контакт в системе поменяли.

— Старые коды?

— Сняты. Вы можете установить свой.

Роман протянул ей устройство, похожее на маленький телефон. Алина повернулась к стене и ввела цифры. Он проверил, что система приняла изменение, не спрашивая комбинации.

Потом выяснилось, что дверь в кабинет закрывается, но ключа от нее нет.

— Межкомнатная, — сказал Роман. — Предыдущие владельцы не пользовались.

Алина попробовала ручку еще раз.

— Замок менять можно?

— Конечно. Мастер приедет завтра.

— Только после звонка. Утром я уйду.

Он записал.

Я смотрел на закрывающуюся дверь и не мог понять, от кого она собирается запирать бумаги в доме, где останется одна. Спрашивать при управляющем не стал. Мне не хотелось заставлять ее объяснять полезность преимущества, которое я уже предоставил.

Когда Роман закончил, Алина прочитала опись, поставила подпись и получила ключи. Отдельный комплект управляющий убрал в конверт с номером. Она попросила сфотографировать конверт, он позволил.

Роман ушел. Ворота закрылись, шаги исчезли на дорожке.

Алина осталась в прихожей, держа ключи на раскрытой ладони.

В доме было слышно, как запускается отопление. Вода тихо прошла по трубам. Где-то наверху щелкнуло дерево. Я хотел объяснить, что так ведет себя лестница после перемены температуры, но она уже поставила сумку у стены и пошла на кухню.

Я принес вторую сумку.

— Принтер куда?

— В маленькую комнату. Можно пока на пол.

Она открывала шкафы, ища кружку. Нашла целый набор тонкого стекла, закрыла, посмотрела на соседнюю полку. Там стояли четыре тяжелые чашки без рисунка. Одну взяла и поставила возле чайника.

— Вам кофе?

— Можно.

Она наполнила чайник. Потом остановилась, посмотрела на мои руки.

— Вы вообще едите?

— Да.

— Обычное?

— Иногда.

— Яйца подойдут?

— Подойдут.

Она кивнула и занялась плитой. С первого раза не получилось включить конфорку. Пришлось достать инструкцию из ящика.

Я подошел показать. Она уже нашла нужную страницу.

— Здесь сначала блокировку снять.

Конфорка зажглась. Алина положила инструкцию рядом, оставив открытой. Я поставил воду и поймал себя на том, что жду следующего вопроса о новых возможностях. Она спросила, где здесь выбрасывают мусор.

Мы поели за кухонным столом. В столовой накрыли на шесть человек, но туда она не пошла. Сковородку поставила на деревянную подставку, разделила яйца, огурец нарезала крупными кусками. Оливки открыла и съела одну прежде, чем придвинула банку ко мне.

Я взял.

— Нормально? — спросила она.

— Да.

— А то я не знаю, что у вас там принято.

Вилка остановилась у меня над тарелкой.

— Там — разное.

— Понятно.

Она не стала спрашивать про котлы. Меня это слегка разочаровало: на такие вопросы у меня были готовые ответы, а на то, почему я согласился есть яйца за кухонным столом, ответа пока не было.

Телефон зазвонил, когда она поднимала чашку.

Дмитрий.

Я успел прочитать имя на экране. Алина поставила чашку. Звонок продолжался.

— Можно и не отвечать, — сказал я.

Она посмотрела на меня, потом приняла вызов.

— Да.

Я слышал только ее сторону. Слов мужчины не разбирал; аппарат она держала у уха, громкую связь не включала.

— Нет. Я сегодня не приеду.

Она отодвинула тарелку.

— Я забрала свои вещи. То, что успела. За остальным договоримся отдельно.

Пауза стала длиннее. Алина смотрела на край стола, где на покрытии виднелась неглубокая царапина. Управляющий отметил ее в описи. Она провела по ней ногтем.

— Я не буду оплачивать эту доставку, Дима.

Голос из телефона стал громче, но слов я по-прежнему не различал.

— Ты сказал, что аванс заказчика уже пришел. Это ваш договор. Я его не подписывала.

Она встала и дошла до окна.

— Напиши мне. Пришли счет, объясни, почему ты считаешь его моим обязательством.

Еще пауза.

— Нет. Я не исчезла. Я говорю с тобой.

Алина закрыла глаза, выслушала, открыла.

— Сегодня больше не буду. Напиши.

Она закончила вызов. Осталась стоять у окна с телефоном в руке.

Я подождал, пока она вернется. В коробке возле раковины нашлись бумажные полотенца. Я вытер воду, которую мы пролили, наливая чай.

— Не новая сумма, — сказала Алина. — Старый разговор. Он выставил заказчику расходы на транспорт, а теперь хочет, чтобы я оплатила перевозчику. В понедельник обещает вернуть.

— И раньше возвращал?

— Иногда.

Она села.

— Поэтому я и продолжала.

Я мог связаться с директором его компании по обслуживанию счета. Мог убрать Дмитрия из числа получателей ее переводов, оставить ему пустые поля там, где раньше появлялись ее деньги. Не требовалось даже трогать чужую волю.

Достаточно было нескольких распоряжений, чтобы его следующий разговор стал гораздо тише.

— Я могу сделать так, что он больше не будет просить вас платить, — сказал я.

Алина подняла голову.

— Как?

— Перекрыть способы, которыми он рассчитывает получить деньги.

Она медленно положила телефон на стол.

— Его деньги?

— Возможности ими пользоваться.

— Вы можете заблокировать счет?

— При определенных обстоятельствах.

— От моего имени?

— Нет. Для этого у меня есть свои средства.

Она посмотрела на оставшиеся яйца. Взяла вилку, положила обратно.

— Я хочу, чтобы вы ничего не делали.

— Он использует вашу готовность отвечать.

— Я знаю.

— И повторит.

— Скорее всего.

Я не сразу понял, какого ответа она ждет от меня.

— Вы уже сказали ему «нет», — произнес я. — Я могу сделать это окончательным.

Алина отодвинулась от стола.

— А если завтра я решу, что какой-то счет все-таки должна оплатить? Например, там действительно моя подпись, я сейчас просто забыла. Мне нужно будет прийти к вам и попросить разрешения?

— Я не предлагал распоряжаться вашими деньгами.

— Вы предлагаете решить, с кем мне вообще придется разговаривать.

Она говорила уже резче.

Я посмотрел на телефон. Он лежал рядом с кружкой, экран погас. Всего несколько минут назад она не могла спокойно взять его в руку. Я предложил избавить ее от этого. Мне казалось нелепым спорить о способе, если результат был очевидно полезен.

— Я хочу, чтобы было тихо, — сказала она. — Но я сама закончу разговор. Не надо от меня никого отключать.

Я помолчал.

— Хорошо.

— Совсем ничего.

— Я не буду вмешиваться.

Она всмотрелась в мое лицо, будто пыталась определить, что именно я сейчас разрешил себе не считать вмешательством.

— Если мне понадобится что-то конкретное, я попрошу.

— Я услышал.

Из чашки уже не шел пар. Алина взяла ее и выпила. Я остался за столом с недоеденным ужином, который впервые

за много лет оказалось трудно закончить по собственной воле.

Затем телефон снова завибрировал. Она посмотрела на сообщение и повернула экран ко мне.

«Ты сейчас из принципа оставляешь меня перед людьми. Я бы тебя так не подставил».

— Вот, — сказала она. — Уже не про счет.

Она начала печатать длинный ответ, остановилась, удалила несколько строк. Написала: «Пришли документы. По новым расходам за тебя платить не буду».

Отправила. Поставила телефон на беззвучный режим.

Я видел ее действия. Что именно ей стоило не дописывать, мог только предполагать.

Некоторое время мы ели молча. Потом она спросила, действует ли моя визитка ночью.

— Телефон — да.

— А если течь или сигнализация?

— Есть номер Романа. Он оставил на холодильнике.

Она нашла карточку, сфотографировала и вернулась за посудой.

Я предложил убрать. Она ответила, что посудомоечную машину еще не освоила, и стала искать нужный режим. Пришлось снова открыть инструкцию. На этот раз я держал дверцу, пока она переставляла верхнюю корзину, которая выдвинулась слишком далеко.

— У вас это все само не может? — спросила Алина.

— Может.

Она посмотрела на тарелку в моей руке.

— Тогда зачем вы держите?

Я поставил тарелку внутрь.

— Вы уже нашли инструкцию.

Она коротко засмеялась. Тон, которым она смеялась, оказался не похож на тот, которым благодарила. Я задержал на ней взгляд, но Алина уже наклонилась за таблеткой для машины.

Пока она убирала продукты, я прошел в маленькую комнату. Принтер стоял на полу. Рядом лежали папки и удлинитель. На столе — пустая коробка от лампы, которую прежние владельцы забрали с собой.

Я включил верхний свет. Его хватало, чтобы осмотреть комнату, но для чтения вечером он был неудобным.

— Здесь лампы нет, — сказал я, когда Алина подошла.

— Я заметила. Завтра куплю.

— Это можно включить в передачу дома.

Она поджала губы, подумала.

— Хорошо. Только обычную, с регулируемым наклоном. И спросите перед тем, как привозить.

Я записал Роману. Он ответил почти сразу: уточнит время утром.

Алина устроила принтер на тумбе, проверила провод. Положила серую папку в ящик стола, синюю — рядом. Я ожидал, что она уберет вторую подальше или выбросит часть

распечаток. Она оставила обе.

— Договор вы на неделе кому покажете? — спросил я.

Она подняла глаза.

— Еве. Мы вместе учились. Сейчас она ведет частную практику. Я уже отправила основные страницы, но хочу отдельно про развод и эти платежи.

— Скажете ей, что я тот, кем назвался?

Алина посмотрела на мою руку. Рукав был опущен, знаков она видеть не могла.

— Сначала скажу, что нашла другой способ жить. Про лестницу пока не знаю, как рассказывать.

— Могу показать и ей.

— Когда я попрошу, — ответила она.

Я кивнул. За сегодняшний вечер это пришлось сделать чаще, чем обычно за несколько приемов.

Наверх она поднималась с сумкой. Я остался в прихожей. С кухни доносился негромкий шум машины. Снаружи уличный фонарь освещал мокрые ветки, и одна тень лежала поперек входной двери.

В своем кабинете я мог бы вызвать Ардена, посмотреть новые поступления, открыть нужный порог. Здесь было нечего делать, пока хозяйка разбирала вещи. Я проверил телефон. Сообщений не было.

Алина спустилась без плаща. Волосы собрала в неровный узел, в руках держала мой забытый на кухне блокнот.

— Это ваше.

Я забрал его.

— Спасибо за ужин.

Она посмотрела на часы.

— Вам спасибо, что довезли. Я сейчас спать, наверное. Если смогу.

— Можете позвонить.

— По договору?

Я хотел сказать, что и без договора, но это было бы слишком похоже на услугу, которую я не собирался учитывать. Я редко предлагал такие услуги просто так.

— Если потребуется что-то из согласованного, — ответил я.

Она кивнула, будто именно этого и ждала.

У двери я обернулся. Алина стояла в глубине прихожей, рядом с выключателем. За ее спиной начиналась лестница. Теперь в доме было слышно мое пальто: ткань шуршала, когда я застегивал пуговицу.

— Он больше не звонил, — сказал я.

— Я отключила звук.

Она открыла дверь. Я вышел.

На дорожке пахло листвой и мокрой древесиной. В машине я получил сообщение от Ардена: «Первая передача завершена. Все четыре обеспечения действуют».

Я ответил, что подтверждаю.

Из дома не было видно ничего, кроме освещенного прямоугольника кухни. Алина прошла мимо окна, остановилась

у стола. Подняла телефон. Прочитала, положила обратно. Я не знал, кто ей написал.

Потом она выключила свет.

Я подождал, пока закроются ворота, и выехал на Вязовую. На следующем повороте пришлось остановиться: перед машиной неторопливо прошел кот. Он сел у ограждения, вылизал лапу и только после этого убрал хвост с проезда.

Я опоздал в Палату на семь минут.

Глава 4. Я заберу то, что ей не нужно

Денис Орлов пришел в понедельник с коробкой конфет, которую Тамара отказалась принять.

— Я не для вас, — объяснил он.

— Тогда я тем более не возьму.

Я услышал их из кабинета. В дверном проеме показался мужчина в светлой куртке. Он держал коробку двумя пальцами, стараясь не смять бант, а свободной рукой уже убирал телефон.

— Мне к Марку Северину. Мы созванивались.

— Со мной, — сказала Тамара. — Я просила подождать.

Он посмотрел на меня и улыбнулся так, будто мы оба понимали, зачем в учреждениях ставят между посетителем и нужным человеком женщин с блокнотом.

Я улыбку не вернул.

— Проходите.

Денис оставил конфеты на пустом краю Тамариного стола. Она тут же пододвинула их обратно к его локтю. Пришлось забрать.

В кабинете он выбрал кресло, на котором накануне лежал плащ Алины. Поставил коробку на пол. Рядом с манжетой его рубашки поблескивали часы. Я не знал марки, но видел на стекле еще не снятую защитную пленку.

— Я брат Алины, — сказал он.

— Знаю.

— Она сказала, что вы помогли. Хотел узнать, какие у вас варианты.

— Для вас?

— Да. В бизнесе сейчас не самое простое время. Но я не с пустого места, у меня действующая компания, склад, люди. Мне нужно немного разгрузиться.

Он говорил уверенно, без пауз, в которые можно было вставить вопрос. Я дал ему закончить описание склада, потом спросил:

— Сколько вы должны?

Денис назвал сумму. Она не включала миллион триста, который числился в папке Алины.

— Сестре тоже? — уточнил я.

Он откинулся на спинку.

— Там семейное. Мы отдельно решаем.

— Пока не решили?

— Она сейчас не хочет разговаривать. Вы же в курсе, у нее с мужем. Я туда не лезу.

Я посмотрел на лежавшую передо мной заявку. Сестра просила разделить свое и чужое. Брат в первые же минуты выбрал, какие долги считать достойными упоминания.

— На что нужны деньги?

— На товар. Если я не беру партию, ее забирают другие. Потом уже догоняй. У меня есть предложение, можно показать.

Он протянул телефон. На экране была фотография техники на палетах. Сбоку обрезанная рука держала лист с количеством единиц.

— Документы на партию есть?

— Будут, если подтвердим.

— А пока?

— Пока надо дать ответ.

Я вернул аппарат. За окном человек в оранжевом жилете переносил ограждение на мосту. Снял один щит, поставил чуть левее. Машины продолжали ползти по той же полосе.

— Мы можем рассмотреть обычное финансирование, — сказал я. — Понадобится полный список обязательств, расходы и подтвержденное предложение.

Денис провел пальцем по пленке на часах.

— А что-нибудь без всего этого? Алина, я так понимаю, быстро у вас решила.

— Алина принесла документы.

— Она всегда приносит. Даже когда не просят.

Он усмехнулся. Я молчал.

— Я не в плохом смысле, — добавил он. — Просто у нее все должно быть по полочкам. С такими людьми удобно, пока сам на полку не попал.

— И вы попали?

Он наклонился вперед.

— Я ее деньги не украл. У нас были планы. Не пошло. У нее не пошло — ей помогают. У меня не пошло — я обязан

до конца жизни стоять и объяснять.

— Вы возвращали три месяца.

Его лицо изменилось.

— Она вам расписку показала?

— Мы обсуждаем вашу платежеспособность.

— Нет, я понимаю. Но это не совсем честно, когда сначала слушают одного.

Я мог остановить его на этой фразе. Объяснить, что денежный перевод и срок не нуждаются в голосовании родных. Вместо этого спросил, какое предложение он счел бы честным.

Денис посмотрел на закрытую дверь.

— У нее теперь дом. Я видел фотографию.

— Вы хотите жить в доме?

— Я хочу понять, почему одному человеку можно дать все сразу, а другому надо доказывать каждый шаг.

Он помолчал и достал телефон еще раз. Нашел сообщение.

«Денис, я съехала. Занимать сейчас не буду. По возврату моего перевода напиши, сколько можешь вносить с ноября. У меня новые условия по кредитам, дальше оставлять все как есть не получится».

Под этим стояла фотография маленькой комнаты с принтером. Алина, должно быть, показывала новое место для работы. Денис увеличил изображение так, чтобы было видно окно и часть сада.

— Вчера это мне прислала. А я ей позвонил, спросил нормально: может, и мне есть смысл обратиться? Сказала, название фирмы на договоре. Я нашел.

Он убрал телефон.

Мне не потребовалось спрашивать, понравилось ли ему новое место сестры. Он уже оценил высоту потолка и расстояние до соседа, хотя на снимке был виден главным образом стол.

— Она ведь всегда говорит, что сама, — продолжил Денис. — А когда кабинет открывала, компьютер ей кто нашел? Я. У меня поставщик, нормальная машина с хорошей скидкой. Принтер тоже через меня. Я ей это никогда не припоминал.

— Она за технику заплатила?

Он помедлил.

— По закупочной. Понимаете, что такое по закупочной? Я мог продать и заработать. Не заработал.

— А она могла купить без вас и заплатить больше.

— Вот именно.

Он довольно кивнул. В моих словах нашлось подтверждение, которого он ждал.

— Я тоже помогал. Не только она всем. Просто у нее это каждый раз событие. Мама потом звонит: Алина прислала, Алина приехала, Алина расписала, как нам лучше. А я приезжаю, чиню ей кран, и это как будто само. Так и должно было быть.

Я представил человека возле чужой раковины, ожидающего, что за его спиной произнесут нужное имя достаточно благодарным голосом.

— Мать знает о ваших долгах сестре?

— Не все.

— А о том, что вы помогаете с краном?

Денис прищурился.

— Вы сейчас на чью сторону встали?

— Я хочу понять, что вы рассчитываете получить.

Он посмотрел на телефон. Изображение рабочего стола еще оставалось на экране.

— Сначала возможность. Она хотя бы пробует. Если мне дать нормальный старт, я тоже могу. Я не хуже нее.

Последние слова он сказал тише. Потом быстро заблокировал аппарат.

Я видел немало людей, которые соглашались на лишнее условие только потому, что рядом кто-то уже получил предложение. Цену они сравнивали позже. Сначала сравнивали себя.

— Если вам понадобится отдельное приобретение, его стоимость придется принимать самому, — сказал я. — Чужой отказ не сделает вещь бесплатной.

— Я не прошу бесплатно. Я хочу, чтобы мне дали войти.

Он снял куртку и положил на соседнее кресло. Первоначальная просьба о деньгах на партию техники уже исчезла из разговора. Вместо нее на столе лежал снимок дома, в ко-

тором он никогда не был.

Я нажал кнопку связи с приемной и попросил пригласить Ардена.

— У нас есть другой порядок, — сказал я. — Не заем на партию.

Денис оживился.

— Инвестиции?

— Право получить то, что возвращают наши клиенты. На условиях отдельного приобретения.

— Банкротные остатки?

— Иногда. Иногда вполне исправное преимущество, от которого человек решил отказаться.

Он посмотрел на окно.

— Алина?

— Я не обещаю, что она что-либо вернет.

— Она вернет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Денис заметил это и поправился:

— Она не любит, когда слишком хорошо. Обязательно найдет, из-за чего мучиться. Я ее знаю.

Арден вошел без папки. Остановился возле стола, посмотрел на Дениса и на коробку у кресла.

— Покажите порядок вторичного приобретения, — сказал я.

Он перевел взгляд на меня.

— Для определенного возврата?

— Для определенного договора. При условии, что возврат состоится добровольно и будет оформлен.

Арден кивнул.

У него появилась работа, которую он любил больше выдачи новых преимуществ: определить, кому достанется то, что один человек перестал защищать. Денис еще не был нашим клиентом, но уже смотрел на закрытый шкаф так, будто внутри лежал выбор.

— Понадобится объяснить предмет, — сказал Казначей.

Я закрыл жалюзи. Не полностью — достаточно, чтобы в стекле вместо моста появилась лестница под Палатой.

Денис повернул голову на металлический звук.

В отражении по ступеням двигался узкий ящик. Человека, который его нес, видно не было: только край рукава и пальцы с темными суставами. Ящик остановился у поверхности стекла. Арден протянул руку, и отражение отдало ему тонкую пластину.

Денис встал так резко, что толкнул кресло коленом.

— Это что сейчас было?

— То, за счет чего мы можем предлагать такие условия, — ответил я.

Он посмотрел за жалюзи, потом на пластину.

— Я не понимаю.

Я назвал себя. Без человеческого имени.

Денис не засмеялся. Сглотнул, потрогал манжету. Потом спросил:

— А она знает?

— Что подписывает, — да.

— И согласилась?

Вопрос был произнесен почти с обидой.

Арден положил пластину на стол. Камень потеплел, по поверхности пошли светлые строки. Он снял с них бумажный оттиск и подвинул Денису.

— Вступительный взнос — шестьдесят тысяч. Он оплачивает рассмотрение и закрепление очередности, — сказал он. — Дальше каждое преимущество приобретается отдельно. Увидите цену, срок и состав, решите, принимать ли. Бесплатной передачи нет.

— Если ничего не будет?

— Ничего не получите. Взнос не возвращается.

Денис сел. Долго читал первые строки. Теперь его палец задерживался на каждом слове.

— А вам какая разница, кто получит? — спросил он. — Если она все равно возвращает.

— За преимущество может заплатить следующий желающий. Дом сохраняет оборот, — ответил Арден.

— То есть я еще и полезен.

— При условии, что принимаете обязательства и исполняете их.

Денис проследил строку до конца.

— А если она передумает? Сначала скажет, что отдаст, а потом не отдаст.

— До оформления возврата у вас нет предмета приобретения, — сказал я. — Ее сомнения вам ничего не должны.

Он потер пальцами край бумаги.

— С ней просто надо сразу точно договариваться.

— Вот с вами мы сейчас и договариваемся.

Денис поднял глаза. Мне показалось, что он собирается снова встать, но затем он подтянул лист поближе.

— Дом тоже может вернуться?

— Может. Но это не означает, что его обязаны передать именно вам за любую названную сумму. Если предусмотрен согласованный расчет через продажу, его соблюдают.

— Я смогу сделать предложение первым?

— В установленном порядке.

— А должность? Я не финансовый директор.

— Речь о праве на освободившийся пакет, — произнес Арден. — Состав будет определен при возврате. Иногда требуется согласовать получателя, иногда — отдельного исполнителя. Вы не приобретаете чужую квалификацию.

Денис перечитал.

— Я могу предложить своего человека?

— Если будут соблюдены требования к работе и отдельное согласие этого человека, — сказал я.

Он кивнул, как будто это был привычный разговор о подрядчике.

Я смотрел на него и понимал, почему мне не хотелось отказывать. Алина получала год на то, чтобы попробовать

выбрать иначе. Денис заранее выбирал за нее, какое удобство окажется излишним. Он позволял мне наблюдать сразу с двух сторон: за человеком, которому дали, и за человеком, который не мог простить, что дали другому.

— Вы не сможете заставить ее отказаться, — сказал я. — Ни вашим договором, ни моей подписью.

— Я же не собираюсь.

— Не сможете подписать за нее. Не сможете получить ее душу. Не сможете записать свое обязательство на ее имя.

Он оторвался от бумаги.

— А свое я потом могу… ну, если понадобятся другие условия?

Арден посмотрел на меня. Я ответил:

— О новом договоре разговаривают отдельно. Сегодня вы решаете только это.

Денис сложил лист.

— Мне надо подумать.

— Разумеется.

Он встал, взял конфеты и вышел в приемную. Тамара объяснила, где туалет. Через несколько минут хлопнула наружная дверь.

Я повернулся к Ардену.

— Его экземпляр должен соответствовать ее условиям. Никаких дополнительных обязательств для Ветровой.

— Само собой.

— Все приобретения — отдельным согласием после ее

возврата.

Он взял пластину.

— От вас требуется разрешение привязать очередность к конкретному договору.

Я посмотрел на строку с Алининым номером. Потом поставил свое имя.

Не потому, что меня обманули. Я понимал, что разрешаю брату ждать ее отказа. Мне это казалось полезным: мы получали плату за движение, которое иначе пришлось бы считать убытком. А то, что в сделке участвовала семья, делало наблюдение интереснее.

В приемной снова послышался голос Дениса.

— Я еще на минуту. Картой можно?

Арден остановился у двери.

Денис вернулся с телефоном в руке.

— Только чтобы у меня копия была. И я сейчас плачу шестьдесят, больше ничего автоматически не спишется?

— Сегодня — нет, — ответил Арден.

— Ладно.

Он снял с часов пленку, скатал в маленький шарик и положил рядом с коробкой конфет. Потом взял ручку.

Я видел, как он читал условие о невозвратном взносе. Видел, как остановился на требовании отдельного принятия каждого преимущества. Он спросил, можно ли перепродавать полученное. Арден пояснил: в пределах конкретной передачи, после выполнения обязательств, без права менять

чужое согласие.

Денис подписал.

На столе остался шарик прозрачной пленки. Я взял его, чтобы выбросить, и вспомнил пустую часть оборота той расписки, которую Алина показывала в пятницу.

— Ваш платеж сестре, — сказал я. — Он остается.

Денис поднял голову.

— Я понимаю.

— Эта сделка его не погашает.

— Да понял я.

Он расписался в получении копии. Взял ее так осторожно, будто бумага могла передумать, если не прижать края.

Когда он ушел, Тамара принесла конфеты. Он опять оставил их на столе, и на этот раз она не успела вернуть.

— Это вам, — сказала она. — Я предупреждала.

— Отдайте кому-нибудь.

— Не отдам. Вдруг они тоже с условиями.

Я открыл коробку. Под золотой бумагой лежали обычные шоколадные квадраты, чуть помятые от тепла. Взял один. Остальные оставил рядом с кофейной машиной.

На телефон пришло сообщение от Алины.

«Модель получила. Завтра иду знакомиться с отделом. С лампой договорились на вечер, спасибо».

Я ответил, что предложение о работе подтверждено.

Про ее брата не написал.

Глава 5. Любовница с чеком

В четверг Алина позвонила мне из чужого коридора. За ее голосом гудел кофейный автомат, потом кто-то громко спросил пароль от сети.

— У вас есть сегодня полчаса?

— Для чего?

— Дима хочет встретиться. Принесет, как говорит, все расчеты. Ева не успевает, у нее заседание. Я попросила перенести, он ответил, что потом опять будет некогда.

Я посмотрел на стоявшего передо мной Ардена. Тот раскладывал акты по времени получения. Четыре тусклых круга на краю стола не изменились.

— Вы хотите, чтобы я присутствовал?

— Если можете. Я не прошу ничего с ним делать.

— Понимаю.

— Я серьезно.

— Где встреча?

Она назвала кафе у делового центра. Я знал это место: в нем подавали слишком маленькие чашки на слишком больших блюдцах. Посетителям было удобно класть телефон рядом с кофе, не касаясь стола.

— Я подъеду через сорок минут.

— Спасибо.

Она отключилась. Арден убрал два листа в папку.

— Новые требования по договору?

— Личные документы. К пакету не относятся.

— Тогда зачем вам присутствовать?

Я надел пальто.

— Она попросила.

Сказав, я услышал, как это прозвучало. Словно у просьбы появилось собственное значение, помимо того, во сколько она нам обходится.

Кафе было заполнено наполовину. Алина ждала у окна. Перед ней стоял нетронутый чай, рядом лежала тонкая папка вместо двух прежних. Она поднялась, увидев меня, и указала на соседний стул.

— Можно здесь. Он с той стороны сядет.

Я снял пальто. Алина заметила, как я смотрю на ее чашку, и сказала:

— Я сейчас не могу пить. Во рту все равно сухо.

— Вы можете уйти в любой момент.

— Да. Я хочу хотя бы посмотреть, что он принесет.

Она достала распечатку. Показала сообщение Дмитрия: «Давай без демонстраций. Кира тоже придет, у нее часть подтверждений. Ты сама говорила, нужны бумаги».

— Вы согласились на ее присутствие?

— Я уже была внизу, когда прочитала.

Она сложила лист обратно.

— Я могла не заходить. Но у меня завтра на работе срок. Я не хочу еще неделю слушать, что не даю ничего объяснить.

За эти дни она успела получить модель, встретиться с отделом и выйти на новое место. Я знал это из коротких сообщений, которыми мы обменивались по рабочей позиции. Во вторник она спросила, входит ли в предложение доступ к старым отчетам. Я ответил: входит. В среду попросила не связываться с директором по поводу ее задержки в офисе. У нее перестраивали выгрузку.

Сейчас на рукаве у нее виднелось чернильное пятно. Оно не подходило ни к красивому дому, ни к новому доходу, зато указывало на то, что она действительно работала.

Дмитрий пришел первым. Я узнал его по снимкам, но в жизни он был подвижнее. Переступая порог, уже успел оглянуть зал, ответить на сообщение и поправить воротник. Увидев меня, остановился на полшага.

— Здравствуйте.

Алина представила нас.

— Марк Северин. Помогает мне с новым порядком по кредитам. Я попросила его прийти.

Дмитрий пожал мне руку.

— Дима. Очень приятно.

На последние слова ушло немного больше тепла, чем требовалось. Он пытался определить, какой разговор я пришел поддерживать.

— Садись, — сказала Алина.

Он снял куртку, повесил на спинку. Посмотрел на ее чай.

— Ты опять с утра ничего не ела?

— Что ты принес?

Он выдохнул, сел.

— Давай сначала нормально поздороваемся. Я понимаю, тебе неприятно. Но если мы сейчас начнем при постороннем…

— Я сама попросила Марка. Если не хочешь при нем, передай бумаги. Я посмотрю с Евой.

Дмитрий повернулся ко мне.

— У нас просто дома так не получалось поговорить.

— Где документы? — спросил я.

Он достал из портфеля скоросшиватель. Положил перед собой и вынул несколько листов. Не сразу отдал Алине — сначала начал объяснять.

Сезон сорвался. Подрядчики подняли цены. Заказчик задержал вторую часть оплаты, а перевозчик потребовал расчет до разгрузки. Дмитрий называл фамилии людей, с которыми, как он рассчитывал, у Алины оставались общие воспоминания.

Она слушала, держа ладони под столом.

— Это новый счет за доставку? — спросила, когда он сделал паузу.

— В том числе.

— Я просила показать старые суммы. Где остаток с того аванса, который вы получили в октябре?

— Я сейчас до него дойду.

Он подвинул первый лист. В итоговой строке значилось

сто двадцать тысяч. Алина перевернула страницу.

— Здесь нет моей подписи.

— Я не говорю про подпись. Я говорю, что мы вместе это начинали.

— Тогда покажи, что уже потрачено из моих денег.

В кафе вошла Кира.

Я видел ее лицо на маленьком изображении, но оно почти не помогло узнать женщину, которая остановилась возле нашего стола. Вживую она выглядела усталой, с аккуратно нанесенной помадой и плохо скрытым следом от сережки у мочки. Пальто держала в руках. Сумка висела на плече, и Кира несколько раз подтянула ремень, прежде чем заговорить.

— Здравствуйте.

Дмитрий встал. Помог убрать пальто на соседнее кресло. Движение было привычным: он заранее знал, за какую часть взяться, чтобы ничего не высыпалось из кармана.

Алина посмотрела на его руки.

— Кира, — сказала женщина. — Я понимаю, что вы… В общем, я принесла то, что у меня есть.

Она вынула конверт с чеками. Из него выпала маленькая визитка салона. Кира быстро подняла ее, спрятала в сумку.

Дмитрий попросил кофе у подошедшего официанта, хотя ее саму не спросил. Кира кивнула.

— Мы сейчас говорим про рабочие расходы, — произнес он.

— Я это услышала, — ответила Алина.

Кира положила на стол квитанцию. Тринадцать тысяч восемьсот за подготовку материалов для рекламного размещения. Под ней — список выполненного: тексты, две подборки изображений, согласование сроков.

— Это я делала для компании. Не личное. Могу показать файл.

Алина взяла лист.

— Вот этот платеж я и не называла личным.

Кира посмотрела на Дмитрия.

Он развел руками.

— Я не могу каждый ваш разговор…

— Ты сказал, что она все мои выплаты оспаривает, — произнесла Кира.

Алина вынула собственную распечатку.

— Я попросила разделить. Вот этот счет, например. Апартаменты на четыре ночи. И этот перевод. Здесь в сообщении написано «тебе на отдых». Что из этого относится к рекламным материалам?

Кира опустила глаза.

Дмитрий положил руку на край листа.

— Давайте не будем сейчас устраивать суд над каждым словом.

Алина придержала бумагу с другой стороны.

— Убери руку.

Он убрал.

Я заметил, как у нее дрогнул большой палец. Под столом стукнуло колено о ножку. В остальном она сидела ровно.

— Поездка могла обсуждаться как личная, а потом оказаться рабочей, — сказал Дмитрий.

— А оказалась?

— Нужно посмотреть.

Кофе поставили перед Кирой. Она поблагодарила официанта и не притронулась к чашке.

— Я не ездила по тому бронированию, — сказала она. — Его отменили.

— Деньги вернули? — спросила Алина.

— Частично.

— Кому?

Кира сжала конверт.

Дмитрий открыл свой телефон.

— Я это подниму. Там был мой номер. Может, возврат еще не прошел.

— Бронирование на июль, — сказала Алина. — Сейчас ноябрь.

Он провел пальцем по экрану, не отвечая.

Кира достала отдельный маленький чек и сразу накрыла его ладонью.

— Мне нужно уточнить. Я вам потом пришлю.

— Через Еву Климову, — произнесла Алина. — Контакт дам. Отдельно рабочие услуги, отдельно отмена и то, что вам известно о возврате. Не нужно отдавать мне всю вашу пере-

писку.

Дмитрий отложил телефон.

— Ты уже и с ней через адвоката собираешься? Мы же просто хотели разобраться.

— Я хочу получить то, чего здесь пока нет.

Кира взяла чашку, поставила обратно.

— Я согласна отдельно передать, — сказала она.

Я видел, как Дмитрий перестал смотреть на Алину и повернулся к Кире. Между ними появился новый разговор, который он, вероятно, собирался отложить до нашего ухода.

Алина выбрала из скоросшивателя два листа, спросила, можно ли получить копии остальных. Дмитрий ответил, что сначала уберет данные заказчиков.

— Тогда пришли перечень, какие страницы оставляешь себе, — сказала она. — Чтобы потом не оказалось, что я все получила сегодня.

Он усмехнулся.

— Вот за это тебя на работе и любят.

— За что?

— За способность из кофе сделать проверку.

Кира посмотрела на стол. Я ожидал, что она поддержит его хотя бы улыбкой. Она продолжала разглаживать край конверта.

Алина убрала документы.

— Я пришла за расчетом. Кофе предложил ты.

Она поднялась. Я тоже встал.

— Подожди, — сказал Дмитрий. — Нам еще про квартиру надо. И ключи. Ты не можешь просто забрать все бумаги и…

— Про вещи напиши. Когда приеду, согласуем.

— Ты меня теперь вообще слышишь?

Она посмотрела на него.

— Сегодня я услышала, что возврат был частичный. Начнем с этого.

У кассы Алина оплатила чай. Пока мы ждали куртки, ей пришло сообщение. Она прочитала, спрятала телефон.

На улице было холоднее, чем я ожидал. Между зданиями гулял ветер, уносил салфетки с пустых столиков. Алина остановилась под навесом.

— Я не хотела на нее смотреть, — сказала она.

Я не ответил сразу.

— А посмотрела — и все время замечала, что он знает, куда она кладет вещи. Как она пьет. Что ей заказывать. Я думала, меня больше всего деньги разозлят.

Она поправила шарф. Пальцы не попадали под край ткани.

Я помог бы, если бы не помнил, с каким напряжением она придерживала свою бумагу. Оставил руки в карманах.

— Деньги тоже разозлили, — добавила она. — Просто не первыми.

В кармане снова завибрировал телефон. Она достала его и показала сообщение.

Кира: «Я передам то, что вы просили. Можно номер представителя? Только хочу сначала сама проверить, что именно есть. Я не согласна, чтобы Дмитрий все записал на меня».

— Я не знаю, что она отдаст, — сказала Алина. — Но номер сейчас отправлю.

— Я могу получить данные по возврату через наш расчетный отдел.

Она посмотрела на меня.

— Те, которые имею право получить я?

— Да. Ваши переводы и то, что было оплачено ими, если есть доступные подтверждения.

— Тогда попросите перечень. Не весь его счет без разбора.

Я кивнул.

Алина набрала Еву. Та ответила почти сразу. Я отошел к машине, но Алина подняла ладонь, показывая, что далеко уходить не надо. Сказала в телефон, какие листы получила и что хочет начать процедуру раздельного урегулирования. Потом долго слушала.

— Да. Понимаю. Я пришлю ровно то, что было. Не буду писать, что он все потратил на нее.

Она отключилась.

— Ева попросила заехать завтра до работы. Я покажу оригиналы. Сегодня отправлю снимки, пока помню, откуда взяла.

Мы дошли до машины. Она не сразу открыла дверцу.

— Вы ничего не сделали? Пока мы там сидели?

— Нет.

— Даже когда он…

— Нет.

Она посмотрела мне в лицо и села.

В дороге мы почти не разговаривали. Алина листала фотографии полученных документов, подписывала в заметках, какой лист от Дмитрия, какой от Киры. Один снимок получился смазанным. Она выругалась негромко и сделала отметку, что нужно попросить еще раз.

Я остановился у ее офиса. Она поблагодарила, взяла папку. На сиденье осталась маленькая скрепка.

— Это мое, — сказала Алина и вернулась за ней. — А то у нас половина отдела потом считает, что документы сами держатся.

Я подал скрепку.

Она улыбнулась на секунду, потом посмотрела на время и быстро пошла к входу.

Уже в кабинете я направил расчетному отделу запрос на доступные подтверждения. В основание приложил ее письменное согласие, которое она прислала по дороге. Арден увидел запрос и спросил, собираюсь ли я теперь разбирать все семейные траты.

— Только то, что относится к заявленным обязательствам.

— Сумма по нашему пакету зафиксирована. Ее семейная

обида ничего не меняет.

Я посмотрел на него.

— Возврат, который не учтен, меняет сумму. Проверьте.

Он забрал лист. Через несколько минут на моей почте появился номер обращения.

Я переслал его Алине и закрыл переписку.

Потом снова открыл. Дописал, что данные еще не получены и результата я не обещаю.

Глава 6. Лишняя женщина

В понедельник ветер вывернул зонт у человека, который ждал зеленого сигнала под моими окнами. Человек попытался вернуть куполу форму, потом закрыл его и побежал через дорогу, прикрывая голову портфелем.

На мосту опять переставляли ограждение. Прошло чуть больше недели с тех пор, как поручительство вступило в силу. Алина успела получить подтверждение перехода кредитных требований, познакомиться со всем отделом и пожаловаться, что в первую неделю работы ей уже присылают отчеты, которые перестали сходиться до ее появления. Мне это казалось хорошим признаком. Она говорила о работе так, как люди говорят о вещах, которые собираются удержать.

Внизу хлопнула дверь. Потом еще раз.

Я не сразу поднял голову. Передо мной лежал промежуточный отчет по ее пакету. Жилищная позиция действовала, средства капитала оставались на отдельном счете. Отказов не было. По запросу о платежах Дмитрия расчетный отдел подтвердил только ее переводы. По остальным источникам требовались документы владельцев или отдельная процедура. Я переслал ей именно это и получил ответ: «Хорошо, пока фиксируем».

Стук повторился. Теперь вместе с ним послышался повышенный голос.

Я подошел к окну.

Под навесом у входа стояли Глеб, женщина с хозяйственной сумкой и Алина. Я узнал ее по темному шарфу. Она держала раскрытый зонт низко, прикрывая женщину от дождя. Глеб пытался показать что-то на своем планшете. Женщина отодвигала его руку, чтобы видеть Алину.

У меня на столе зажегся телефон. Тамара.

— Я вижу, — сказал я.

— Эта посетительница опять. Я сейчас спущусь, только копировальный выключу.

Я открыл боковой порог. На людской лестнице было бы дольше, а у входа ветер уже сорвал полоску с объявлением о приеме. Я вышел из тени под навесом. Глеб не удивился; Алина, обернувшись, прижала зонт к плечу.

— Добрый вечер, — сказал я.

Женщина посмотрела на меня.

Это была Нина Горина. Я помнил ее по той осторожности, с которой она когда-то выбирала одежду для первой встречи. Она пришла тогда в новой блузке и весь разговор поправляла ценник, оставшийся у бокового шва. Сейчас на ней была короткая куртка с вытертыми манжетами. Края рукавов потемнели от воды.

— Я не за новым, — сказала она прежде, чем я успел обратиться к ней. — Не надо сразу.

— Что произошло?

Глеб повернул планшет.

— Прием только по записи. Договор закрыт, повторное обращение передано. Внутри ожидающих нет. Я предложил оставить заявку.

Нина взялась за сумку обеими руками.

— Я оставляла. У меня номер есть. И еще один есть. Мне ответили, что подтвердят личность при явке. Я пришла. Он говорит, явка только по записи.

Алина подняла зонт выше. Вода с края попала Глебу на рукав. Он отступил.

— А записаться можно? — спросила она.

— По линии приема, — ответил он.

— Так позвоните ей сейчас. Пока человек здесь.

— Время надо выбирать в системе.

Нина потерла ладонь о мокрый бок сумки.

— Я выбирала. Во вторник на одиннадцать. Потом сменщица заболела. Я предупредила, мне сказали перезаписаться. Новый раз дали тоже на утро. Я с утра работаю. Мне отпроситься не у вас надо, у меня там люди.

Глеб посмотрел на меня. Он ждал распоряжения, которое позволило бы закончить разговор. Я мог дать любое. С точки зрения записи он действовал правильно.

— Внутрь пустите, — сказал я. — На улице не разговариваем.

Глеб сразу отодвинулся. Дверь, которую он придерживал все это время, открылась широко.

В приемной пахло мокрой шерстью. Тамара уже постави-

ла на край стойки бумажные полотенца. Нина взяла одно, вытерла ручки сумки и только потом лицо.

Алина закрывала зонт над ковриком. Одна спица зацепилась за ткань. Она дернула, вода брызнула на ее ботинок.

— Я его уже год выбросить собираюсь, — сказала она вполголоса.

— Так он еще хороший, — ответила Нина. — Просто здесь подведите.

Она показала пальцем. Алина освободила спицу, сложила купол. Прислонила к стойке.

Я пригласил Нину в кабинет. Она не двинулась.

— Мне не нужно туда на лестницу.

— Мы останемся здесь.

— И заново ничего подписывать я не буду.

Я посмотрел на ее сумку. Она держала ее перед собой, как держат пакет, который нельзя поставить на грязный пол.

— Сейчас вас просят только назвать обращение.

— НГ-0401-25, — произнесла она. — Это договор. А обращение в октябре, сорок шестой номер. На бумажке посмотрю.

Алина стояла рядом с вешалкой. Я спросил, по какому вопросу она пришла. Она достала конверт.

— Подтверждение по кредитам. Просили получить экземпляр. Но можно я минуту останусь? Если она не против.

Нина посмотрела на нее.

— Я не против. Вы хоть спросили, куда звонить.

Мы сели в маленькой комнате для посетителей, где стояли низкий стол и три одинаковых кресла. Нина выбрала ближайшее к двери. Тамара принесла воду и теплый чай, оставила на подносе. Я велел Глебу вернуться к обычному обходу и не объяснять посетительнице еще раз порядок, который она уже услышала.

Нина расстегнула сумку. Внутри лежал прозрачный пакет, в нем — еще один, с бумагами. Она вынула из наружного кармана маленький лист с двумя номерами обращений.

— Мне нужна полная выписка по окончанию. Не эта, где написано «выдано». Когда выдали? Кому? Я ничего не получала.

Я взял лист. Проверил номер на своем телефоне. Устройство открыло внутренний список, а за ним на секунду проступил узкий проход Палаты. Алина посмотрела на экран. Я повернул его к себе.

Нинин год начался первого апреля предыдущего года и закончился этой весной. В досье стояло: основные преимущества возвращены, отдельного согласия на душу нет. Финансовая сверка завершена. Дальше — короткая запись о том, что остаток перечислен.

— Остаток какой? — спросил я.

— Зарплата. Последний расчет. Я отработала до конца месяца. Мне сказали, после сдачи жилья все придет. Я сдала. Не пришло.

— Вы обращались к работодателю?

Она вытащила вторую бумажку.

— Они сказали, направили через оператора пакета. Здесь сказали, ничего не удерживали. Потом сказали, оно ушло на погашение. Потом оказалось, уже перечислено. У меня эти ответы лежат. Только каждый раз новый человек, я с самого начала рассказываю.

Говорила она без слез, но все время трогала края кармана, в котором остались бумажки. Я видел, как она старается не забыть очередность. Ей требовалось не мое сочувствие, а правильное название той двери, в которую еще можно было постучать.

— Нина Сергеевна, — произнес я, прочитав обращение, — основные условия вы исполнили. Это указано. Но окончательный расчет не обязательно совпадает с суммой, которую вы ожидали.

Она подняла глаза.

— Тогда покажите, что не совпало. Я за этим и пришла.

Алина поставила чашку на поднос, не отпив.

— Вы ей дали расчет? — спросила она.

— Есть итоговый статус.

— А строки, из которых он получился?

Я пролистнул список. Подробный расчет хранился в другом разделе. Для закрытых старых пакетов его запрашивали у расчетной службы. Я нажал нужное поле. На экране появилось предупреждение о сроке подготовки.

— Вы получите копию, — сказал я.

— Когда?

— Я уточню.

Нина опустила руки на колени.

— Я не могу еще раз в утро. Я и так сегодня вышла раньше, у меня с четырех другой человек остался. Дайте хоть время, которое после работы.

Алина посмотрела на часы.

— Вы где работаете?

— В пекарне. На Садовом, у конечной. «Теплый хлеб». До трех, иногда до четырех. Сегодня заказ большой был.

— Там рядом можно встретиться после смены?

Нина посмотрела на нее с удивлением.

— Со мной?

— Если хотите показать, что вам уже присылали. Я не юрист. Но могу посмотреть суммы и номера переводов, чтобы вы снова не объясняли все по памяти.

Я собирался сказать, что у Алины другая задача. В отделе она работала первую неделю, а здесь уже предлагала взять на себя чужую бумажную историю. Так обычно и начинались обязательства, от которых наши клиенты потом просили освободить.

— Можно без этого, — сказал я. — Запрос уже направлен.

Нина взяла свой прозрачный пакет.

— Запросов у меня два.

Она не повысила голос. От этого ответ прозвучал неприятнее.

Я открыл соединение с расчетной службой. Ответил младший распорядитель, имя которого я не сразу вспомнил. Я назвал номер, попросил подтвердить получение и отправить время выдачи на телефон посетительницы. Затем отдельно потребовал мой экземпляр.

Нина слушала, глядя на поднос. Когда я закончил, спросила:

— Получить можно по почте? А оригинал мне нужен только тот, где что-нибудь исправляли.

— Это укажут в ответе.

Она кивнула, хотя я видел, что этого недостаточно.

Тамара принесла лист подтверждения. На нем стоял новый номер. Нина положила его к двум прежним, потом вынула обратно и написала на обороте «понедельник, после дождя». От этой пометки мне стало неловко сильнее, чем от ее упрямства. Внутренних номеров было недостаточно, чтобы отличить наши обещания друг от друга.

Алина протянула ей карточку со своим номером.

— Завтра после четырех могу подойти. Если успеете и если вам это удобно.

— У меня смена до трех. Я подожду. Там за стойкой есть маленький стол, мы обычно сами едим.

Нина записала имя.

— А вы недавно? — спросила она.

Алина посмотрела на меня, потом ответила:

— Неделю.

Нина сложила пакет медленнее.

— Дом дали?

— Да.

— Мне тоже нравился.

В комнате стало слышно, как в приемной гудит лампа. Алина не спросила, где Нина живет теперь. Я был ей за это благодарен и тут же подумал, что не обязан чувствовать благодарность за непрозвучавший вопрос.

— Я не жалею, что вернула, — добавила Нина. — Только вот это они мне должны объяснить.

Она похлопала по сумке.

Мы вышли в приемную. Дождь стал тише, но на ступенях у входа лежала вода. Глеб принес щетку и сгонял ее к краю. Когда Нина проходила мимо, он приподнял щетку, чтобы не забрызгать ей ноги.

Она остановилась.

— Я не на вас кричала. Я замерзла.

Глеб кивнул.

— Я понимаю.

— Не очень, — сказала Нина и пошла к остановке.

Алина посмотрела ей вслед. Потом вернулась за конвертом, ради которого приехала.

— Подпишите здесь получение, — сказала Тамара.

Алина прочитала название, проверила вложения, расписалась. Один лист вынула отдельно.

— Это мне нужно успеть отправить до среды. Бывший

кредитор еще прислал уведомление по старому графику.

Я посмотрел номер.

— Завтра свяжутся и подтвердят переход. По вашему платежу разницы не будет.

— Хорошо. Я просто сохраняю и то, что они прислали.

Она сложила бумаги. Спросила Тамару, можно ли оставить зонт на десять минут открытым у батареи. Пока он сох, поднялась со мной в кабинет.

— Вы завтра придете? — спросила она.

— В пекарню?

— Да. Она хотела расчет, а я в вашем внутреннем порядке ничего не понимаю. Мне не хочется обещать, что я ей его получу.

— Вы уже дали ей свой номер.

— Чтобы договориться. Не чтобы она теперь от меня зависела.

Я положил ее экземпляр подтверждения на стол.

— Если вы хотите посмотреть бумаги, я могу быть рядом.

— Хочу. И хочу понимать, что будет с моей зарплатой, если я когда-нибудь тоже уйду.

— У вас другой текст.

— Я знаю. Поэтому и сравню. Не собираюсь считать все одинаковым заранее.

Я согласился прийти после четырех.

Алина ушла с подсохшим зонтом. Через несколько минут я вызвал Ардена.

— По Гориной, — сказал я. — Последний заработок. Полная расшифровка.

Он открыл на столе список.

— Старое закрытое обращение. Сумма небольшая.

— Я не спросил о размере.

— У нее нет обязательства передать душу. Повторного входа не было.

— Я видел.

Он провел пальцем по строке.

— Будет подготовлено в установленный срок.

Я посмотрел на свой запрос, который только что направил с личного устройства. Раньше такая формулировка устраивала меня вполне.

— Завтра я посмотрю то, что уже есть у нее, — сказал я. — Не присылайте вместо расчета новый итоговый статус.

Арден закрыл список.

— А Ветрова здесь при чем?

Я не ответил сразу. Она действительно была ни при чем: чужой отработанный месяц, чужая возвращенная квартира, три листка с номерами. Ничто из этого не входило в четыре позиции, которые я ей предоставил.

— Завтра узнаю, — сказал я.

Глава 7. Мелочь, которой я не считал

В пекарне нам предложили стол между холодильником и дверью подсобки. Каждые несколько минут мимо проходил кто-нибудь с противнем, и Алине приходилось подбирать локоть, чтобы не задеть горячий край.

Нина принесла три чашки. Одну поставила возле меня.

— Кофе простой. Что есть.

— Подойдет.

Она посмотрела на мои ботинки, потом на стул. Зачем-то провела ладонью по сиденью, прежде чем разрешить сесть.

Во вторник на Садовом пахло дрожжами и мокрой картонной упаковкой. После вчерашней непогоды у входа разобрали навес, и покупателям приходилось перескакивать через длинную лужу. За стойкой девушка раскладывала булочки щипцами. Два мужчины в рабочих куртках ели стоя, оставив перчатки возле кассы.

Алина пришла раньше меня. Ее плащ висел на крючке, папка лежала на коленях. Она уже успела познакомиться с женщиной, которая выносила противни, и теперь освобождала ей проход без просьбы.

— Вы после работы? — спросил я.

— На сегодня закончила. У меня потом еще свое, дома.

Нина подвинула к нам пакет.

— Я разложила по времени. Может, не совсем правильно.

На некоторых дата только внутри, на ответе другая.

Она достала квитанцию. Бумага была плотной, с темным оттиском внизу. Такой оттиск оставляли старые формы Дома. Его нельзя было полностью повторить на скане: одна из линий всегда уходила в другую сторону.

Алина заметила изменение, наклонила лист.

— Это у всех так?

— У наших, — ответил я.

— Я поэтому и не отдавала оригинал, — сказала Нина. — Они все просили прислать фотографию. Я присылала. Потом писали: не читается печать. На телефоне у меня нормально читается.

Алина не стала объяснять ей особенности оттиска. Положила рядом чистый лист и записала номер.

Нина вернула жилье и предоставленный рабочий пакет в конце марта. Согласия на душу не дала. Ее квитанция подтверждала, что основные преимущества приняты, а окончательный денежный расчет проводится отдельно.

— Отдельно — это вот, — произнесла она и вынула расчетный лист.

За март ей начислили шестьдесят восемь тысяч четыреста двадцать. Выплата по нему отмечалась нулем. Еще один документ показывал перевод через расчетного оператора. Потом шла выписка с ее личного счета, где такого поступления не было.

Я просмотрел даты.

— Возможно, сумма прошла в итоговое взаимозачетное урегулирование.

— Возможно, — сказала Алина. — Тогда нужен расчет этого урегулирования.

Я уже слышал этот вопрос вчера. Он по-прежнему казался мне больше вопросом выдачи документа, чем настоящей причиной сидеть за неудобным столом в пекарне.

— Сумма в сравнении с предоставленным пакетом невелика, — заметил я.

Нина поставила чашку. Алина перестала писать.

— Для вас, — сказала она.

— Я сравниваю размер требования.

— А она рассказывает про зарплату.

Нина взяла расчетный лист обратно и начала искать что-то среди своих бумаг. Я подождал, ожидая дополнительных начислений. Она достала квитанцию за комнату.

— Восемнадцать с половиной, — сказала. — Еще свет, сколько выйдет. Сапоги я хотела купить до зимы, те в пятке мокнут. И у меня за хранение вещей осталось, я когда съезжала, не все смогла сразу забрать. Я не за то, что мне стало мало давать. Я за то, что мне за работу должны.

Она вернула квитанцию на место.

Я мог бы сейчас перевести ей деньги лично. Для меня это было бы меньше, чем стоимость ужина, за которым я однажды убедил клиента познакомить меня с двумя взрослыми родственниками. Он сам уже согласился на сделку; родствен-

ники пришли потом и подписали каждый свою, каждый со своей причиной. Обеды, подарки, время — я считал их вложениями и давно перестал замечать отдельные суммы.

Алина посмотрела на меня так, будто ожидала именно этого движения к телефону.

— Не надо платить за нее, — сказала Нина раньше, чем я что-либо предложил. — Я хочу получить свое. Мне нужно знать, что я не еще одну помощь взяла, которую потом не смогу вернуть.

Из подсобки вышла женщина с противнем. Пришлось встать. Нина убрала бумаги от горячего металла, задержала край выписки и едва не опрокинула чашку.

— Давайте я, — сказала Алина.

Она собрала три нужных листа в одну сторону, остальные отодвинула. Когда мы сели, на столе остались начисление, перевод оператору и отсутствие поступления на личном счете.

— Пока мы знаем только вот это, — произнесла она. — Остальное я бы не стала придумывать. Нина Сергеевна, у вас есть полный текст старого договора?

— Дома. Он толстый.

— Можете принести в другой раз. Сегодня я бы сняла только эти страницы и ответы. Если вы разрешаете.

Нина разрешила. Отдельно попросила не снимать обратную сторону одного листа: там был написан код от ее шкафчика.

Алина накрыла его чистой бумагой, проверила изображение и показала экран Нине.

Мне стало странно смотреть, сколько времени они тратят на три страницы. Я видел в них номер договора и итог. Алина — цепочку движений, которую пока нельзя было соединить. Нина видела месяц, в который вставала в четыре утра и оставалась после смены, потому что перед праздником не хватало людей.

— Вы тогда где работали? — спросил я.

— В «Сытном дворе». Старшим пекарем. Они давали нормальную смену и деньги, я не жаловалась.

— Почему ушли?

Она посмотрела на меня внимательно.

— Потому что место было в пакете. Я же вернула.

— Можно было обсуждать другие условия после окончания года.

— Я обсуждала. Мне предложили остаться вместе со всем остальным. И еще раз подписать. Я не захотела.

Она не сказала ничего про цену. Алина тоже промолчала.

Я вспомнил Нину на последней встрече. Она сидела у другого стола, прижимала к себе пакет с формами, спрашивала, сколько времени дадут вывезти вещи. Я велел не торопить. Считал это достаточным.

Нина заметила, что я ее разглядываю, и чуть выпрямилась.

— Я не говорю, что год был плохой, — произнесла она.

— Мне хорошо было. Первый раз спала без того, что утром надо сразу выяснять, где кто не вышел и что опять сломалось. На работе чисто, оборудование нормальное. Если муку заказала, она приезжает. Я тогда и хотела, чтобы можно было работать, а не добывать возможность начать.

Она поправила край расчетного листа.

— Я хорошо пеку. Не потому, что у вас подписала. До этого тоже умела. Только место такое получила через пакет. И жилье. Там из окна деревья были. Садиться вечером нормально могла, не на кровать с тарелкой.

Алина слушала, не подталкивая ее к выводу. Я ждал, когда Нина назовет цену невыносимой и сделает собственный отказ понятным нам обоим. Она смотрела в чашку и будто снова проверяла, можно ли пожалеть о хорошем, не передумав.

— Когда выбирала, думала, что мне надо меньше хотеть, — сказала она. — Не хотела меньше. Я хотела оставить. Ходила по дому и думала: вон тот шкаф можно было так и не разбирать. Только потом надо подписать то, чего я не хочу подписывать. От шкафа желание не менялось.

— Вы пытались договориться на другую цену? — спросила Алина.

— Спрашивала. Мне объяснили, какие варианты. На мои деньги это не становилось тем же самым. Я могла искать обычное место после возврата. Искала.

Я подтвердил, что возможность обычного трудоустрой-

ства не запрещалась. Она повернулась ко мне почти резко.

— Запрещалась бы, вы бы сейчас все равно по-другому объяснили? Я не говорю, что запрещали. Я говорю, что меня обратно начальником смены никто не ждал. В «Сытном дворе» был уже свой человек. Мне сказали: временно на подмены можно. С этими часами за жилье не заплатишь. Я сюда пришла, где хотя бы смена известна.

В ее голосе не было просьбы немедленно восстановить прежнюю жизнь. Алина спросила о расчете за март, и Нина показала дни: выходила по обычному графику, один раз заменила заболевшую коллегу. Не весь месяц из жалости, не специально после закрытия. Настоящая работа, которую успела сделать, пока место еще было ее.

— Начислили правильно? — спросила Алина.

— Вот это — да. Поэтому я и принесла. Я не прошу придумать мне новое.

Я видел, как она удерживает разговор в пределах проверяемого, хотя раньше считал таких посетителей носителями бесконечной общей обиды. За конкретную сумму было труднее защищаться обещанием, что отдел уже работает.

Алина коснулась пальцем номера расчета и спросила, брала ли Нина еще что-нибудь в счет выхода. Аванс, оплату хранения, выплату при передаче жилья. Та перечислила одно небольшое возмещение, которое получила отдельно, и показала, где оно отмечено. Не пыталась спрятать то, что мешало удобному рассказу про полностью невыплаченное.

— Это не зарплата, — сказала она. — Это за переезд. Я по нему отчиталась. Если там что-то не так, тоже покажут. Только не надо все вместе.

Мы разложили листы шире. У меня занемела нога от неудобного стула, и я переставил ее. Нина подвинула свою сумку, освобождая место. Этот невольный жест заботы был особенно неприятен: я полчаса решал, насколько серьезна ее маленькая сумма, а она заметила мое тесное место за столом раньше меня.

Алина спросила, не пожалела ли она о возвращении. Спросила осторожно, с паузой, оставлявшей право не отвечать.

— Иногда жалею про дом, — сказала Нина. — Про работу. Про то, как там тихо. Не жалею, что не подписала дальше. Это разные сожаления. Я не каждый день умная, Алина. Бывает, прохожу мимо дорогого магазина и думаю, как было бы просто опять решить. Потом иду за тем, за чем вышла.

Она убрала квитанцию за комнату. На обороте был список покупок: хлеб домой ей не нужен был, зато крупа, масло, носки и батарейки. Ни один предмет не походил на урок, приготовленный для новой клиентки. Нина не собиралась служить доказательством моего проигрыша. Хотела купить то, что записала.

Алина записала название работодателя.

— Это не значит, что вся оплата принадлежит пакету, — сказала она. — Вы месяц работали. Но мне надо прочитать,

как это оформлялось. Не обещаю, что разберусь по трем листам.

— Я понимаю.

Нина так быстро произнесла это, что Алина подняла глаза.

— И завтра я не успею. У меня вечер уже отведен под свой расчет. В пятницу могу посмотреть полный договор, если получится.

— Я принесу.

Я заметил, что Алина произнесла ограничение как что-то заранее подготовленное. Возможно, она уже знала, каким будет продолжение, если сейчас просто скажет «давайте все».

Из зала позвали Нину. Она извинилась и ушла к стойке. Мы остались вдвоем.

— Вы сердитесь, — сказал я.

— Я пытаюсь понять, откуда взялся статус «перечислено».

— По этому вопросу уже работает отдел.

— Тогда у него будут документы. Что плохого в том, что она получит копию?

— Ничего.

Алина подождала.

— Я не могу сейчас восстановить движение по одной квитанции, — добавил я.

— Я тоже. Поэтому не понимаю, зачем сразу говорить, что сумма маленькая.

Кофе в моей чашке остыл. На поверхности появилось тем-

ное пятно от сливок. Я размешал, хотя пить уже не собирался.

— Я привык оценивать стоимость по полному договору.

— А я привыкла, что так удобнее объяснять, почему отдельную сумму можно не возвращать.

Она сказала это без повышения голоса. Я вспомнил Дениса, который не включил семейный перевод в список собственных долгов. Потом вспомнил свою подпись под его новой возможностью.

Рассказывать сейчас было бы невыгодно. Я так и оценил это: невыгодно для доверия клиента. Промолчал.

Нина вернулась, вытирая руки.

— Там женщина с возвратом. Булочки вчерашние купила, думала, свежие. Я отнесла, пусть деньги отдадут.

Она посмотрела на кофе.

— Вам горячего долить?

Алина отказалась. Я тоже.

Нина собрала бумаги, проверила количество. Положила оригинал квитанции в отдельный карман и задвинула молнию.

— Я вам должна за просмотр? — спросила она у Алины.

— За сегодняшний нет. Если понадобится большая работа, отдельно договоримся. Я не хочу наобещать, а потом пропасть.

Нина кивнула. Достала из-под стойки пакет с двумя булочками.

— Это мне со смены. Берите. Если не хотите, я домой унесу. Никаких условий.

Алина засмеялась. Взяла одну, вторую Нина предложила мне. Я взял тоже.

У выхода Алина развернула пакет. От теста еще шло тепло. Мы постояли под остатком навеса, пока она убирала телефон.

— Вы пешком? — спросил я.

— До остановки. Я сейчас в офис Евы, он тут недалеко. В пятницу показала ей свои оригиналы, сегодня оставлю заявление и возьму копии.

— Могу довезти.

Она посмотрела на дорогу.

— Здесь четыре дома. Спасибо, дойду.

Я не стал предлагать еще раз.

В кабинете меня ждал расчет по Нине. Два листа. В первом повторялся итоговый статус, во втором стояла ссылка на приложение к закрытию. Самого приложения не было.

Я вызвал младшего распорядителя.

Он явился с плоской книгой, которую держал двумя руками. Снял с обложки полоску металла, открыл страницу. Буквы поднялись с бумаги неровным рядом. Я попросил развернуть основание перечисления.

— Передано оператору, — прочитал он.

— Дальше.

Он коснулся строки. За ней проступила другая: «Урегу-

лировано в составе закрытия».

— Документ?

— В составе дела.

Я посмотрел на него. Он держался прямо, но пальцы под обложкой побелели.

— Вы его видели?

— Нет. Я подготовил выдачу по сводной записи.

— Тогда напишите, что не видели. И запросите то, на что ссылаетесь.

Он кивнул, закрыл книгу. Строки опустились обратно. В комнате стало тише, будто перестали шуршать сразу несколько человек.

Я положил на стол свою булочку. Бумага промокла от масла. Раньше я отдал бы ее Тамаре или выбросил, не дожидаясь вечера. Сейчас отломил кусок.

Сладкого оказалось больше, чем я ожидал. Корицы в булочке было много. Я доел, вытер пальцы и составил новый запрос, указав, какого именно приложения не хватает.

Потом отправил Алине номер. Она ответила через час.

«Спасибо. Я подписала источник у каждого снимка. Нине сказала, что пока ничего не доказали, кроме отсутствия понятного расчета».

Следом пришло второе сообщение:

«И сумму записала. Не мелочь».

Глава 8. Хорошая должность

Двадцатого ноября я приехал на продуктовую встречу «Городского резерва». Не к Алине. Компания входила в хозяйственную сеть Дома, и я хотел посмотреть, как используют очередной выделенный ресурс. В приглашении значились руководитель, финансовый отдел и представитель собственника. Никто не писал о том, кто из присутствующих дома хранит две старые папки.

Седов встретил меня у лифта. Павел Романович был ниже, чем казался по голосу, с короткой стрижкой и привычкой придерживать дверь не дольше, чем человек действительно через нее проходит. Он рассказывал, сколько согласований удалось сократить, пока вел меня к переговорной.

В конце коридора Алина стояла возле принтера. На экране аппарата мигало предупреждение, в руке у нее был выдвинутый лоток. Она подняла глаза, увидела меня и на мгновение замерла.

— Вы на встречу?

— Да.

Седов объяснил мое участие раньше, чем она задала следующий вопрос. Назвал представителем стороны, обеспечивающей ресурс продукта. Алина кивнула, задвинула лоток и попросила аналитика Олега распечатать последние два листа в другом помещении. Принтер не признавал бумагу, которая

в нем лежала.

Я не предложил купить новый. Почему-то стало важно не входить в ее рабочее утро с той же готовностью заменить все, что мешает, с какой я входил в подаренный дом.

В переговорной оказалось восемь человек. На экране показывали небольшую прачечную с новыми машинами. Владелец мог получить оборудование и обслуживание по связанному пакету, работая с меньшим первоначальным платежом. Компания рассчитывала на доход от срока пользования и сопутствующих услуг. Ничего сверхъестественного: договоры, поставщики, оборудование, деньги.

Руководитель продукта, Леонид, говорил быстро. Цифры знал, на вопрос отвечал сразу, даже если вопрос еще не закончили. Мне нравился такой темп: оно помогало не задерживаться на сомнениях, которые редко увеличивали оборот.

Алина сидела сбоку с раскрытым ноутбуком. На первых листах не перебивала. Когда обсуждали количество клиентов, спросила, откуда взяли процент продлений. Леонид назвал прошлую программу. Она показала, что у той другой срок и другой состав обязательных услуг. Седов попросил оставить замечание в расчете. Его не отвергли, и Алина внесла в свою копию отметку.

Потом появился пример прекращения.

В коротком предложении стояло шестьсот восемьдесят четыре тысячи. В полном внутреннем расчете — восемьсот сорок две. Разница состояла из обязательного закрытия сер-

висной части, проверки оборудования и предусмотренной логистики. При этом клиент должен был предупредить о выходе раньше, чем получал окончательную сумму.

— По сценарию владелец закрывает одну точку или всю деятельность? — спросила Алина.

— Для модели без разницы, — ответил Леонид.

— Для способности заплатить разница есть.

Он пояснил, что в этом блоке не оценивают платежеспособность. Она согласилась и попросила показать, где человек видит полную цену прекращения. На экране открыли нижнюю часть длинной страницы. Несколько строк были скрыты за кнопкой приложения.

— Получает пакет целиком до подписания, — сказал Леонид.

— Я спрашиваю про число в коротком предложении.

— Там выкупная стоимость. Все названо правильно.

Я посмотрел на Алину. Она не пыталась поймать его на слове. Повернулась к экрану и попросила заменить в примере фразу «закрыть точку» на «прекратить пакет полностью». Леонид раздраженно ответил, что текст не входит в аналитику.

— Тогда это не пример полного прекращения, — сказала она.

Седов попросил не уходить в редактуру. Времени было мало, следующий участник уже ждал с данными по продажам. Я мог вмешаться. Вместо этого сказал, что стоит прове-

рить, насколько обязательные расходы действительно неизбежны в каждом сценарии. Это звучало точным рабочим вопросом и позволяло пока не отвечать, почему мы показываем одно, рассчитывая другое.

Алина записала. До конца встречи больше не спорила о коротком предложении. Я заметил, что, когда Леонид попросил подтвердить итоговый блок к среде, она ответила: «После сверки состава». Не «да».

У лифта Седов хвалил ее работу. Говорил, что новый человек хорошо видит края, только нужно немного привыкнуть к реальным срокам. Я согласился, что края она видит.

Алина догнала нас с распечаткой. Не для меня: отдала Седову два листа и назвала расхождение в сроках выдачи окончательного расчета. Он сказал, что посмотрит после обеда. Она спросила, кому направить запрос о процедуре. Получила фамилию, записала и отошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.